

Два дня после счастья

Кинотеатральное действие

Памяти первых русских хиппи

Конец 1970-х, август, лагерь хиппи на абхазском берегу Чёрного моря:

Вэл, он же **Павел** – ушедший в летнее странствие студент философского факультета МГУ и бывший хиппи, неполных 22-х лет

Стар – олдовый человек и художник, 45-ти лет

Шакти – его жена, школьный преподаватель и молодая поэтесса, 33-х лет

Шек, или Жека – инженер с даром рок-музыканта, 39-ти лет

Лариса – его жена, инженер, 32-х лет

Мини – красивая студентка, 19-ти лет

Шуза – некрасивая студентка, 19-ти лет.

Береговые камни были раскалены солнцем и выбелены чайками. Море рокотало и пенилось в двух шагах. Вэл шёл, обсыхая на солнце и любуясь зелёными склонами. Длинные каштановые волосы стали волнистыми от морской воды. Чайки стонали и взмывали в небо, будто рвались из земного мира в иной, запредельно-прекрасный. В маленьком устье ручья мерно вскипал прибой и плескалась пена. Ледяная вода обожгла гортань, растаяла на лице и груди. Вэл перебрался по камням на другой берег, обошёл завал рухнувших в море скал, поднялся к подножию берегового обрыва и ускорил шаг. Он надеялся выйти на прибрежную дорогу и двинуться в горы, но почувствовал дым костра и в тот же миг сквозь колючую зелень услышал гневный девичий окрик:

– Противный, пошёл отсюда! Згинь!

В кустах раздался треск сухих веток. Несколько мгновений Вэл колебался, но любопытство пересилило. Он протиснулся между скалистых обломков и увидел две туристические палатки, разбросанные вокруг вещи, а у костра девушку в джинсовых шортах и тонкой блузке. Длинные жёлто-рыжие волосы охватывал витой красный шнурок.

Последний кадр киноэпизода становится фоном театральной сцены, на которую герои переходят с экрана.

Действие первое. Встреча с Мини

Тенистая лужайка под кривыми соснами в обрамлении густых кустов. Посередине вьётся дымок от костра, около него на кухонной клеёнке в беспорядке лежит посуда, чуть дальше виднеется высокий большой камень, а за ним кусок морского горизонта. Между палатками натянута верёвка, на которой колышется выцветший синий флаг с надписью: "Hippiland".

Вэл (от неожиданности переходит на сленг – будто скачком возвращается в недавнее прошлое). Хай! Экскьюз ми...

Девушка (вскакивает и оторопело смотрит на него, переводя взгляд с загорелого лица на одежду и обратно). Вы кто?

Вэл (улыбаясь). Я – так... Случайно здесь. Похоже, меня сходу прогнали.

Девушка *(пытается улыбнуться в ответ)*. Это я пса бездомного прогоняла. Он у нас еду ворует. Так ты из Питера? А где другие?

Вэл. Нет, я один. И из Москвы, сори.

Девушка *(продолжает вглядываться в незнакомца искривлёнными серыми глазами)*. А я подумала, ты вместе с нашими френдами приехал. Мы тут все из Питера. Гостей ждём.

Вэл. Значит, вы из системы?

Девушка. Ну, да... *(Садится к костру, обгорелой палкой помешивает золу, рослый юноша романтического вида ей явно понравился)*. А как же ты узнал про наш кэмп?

Вэл. Никак. Я в горы иду. Случайно проходил рядом и вдруг услышал, что должен сгинуть. Удивился и сделал всё наоборот. Прости, что напугал.

Девушка. Хмм, прикольно. *(С улыбкой протягивает руку)*. Я – Мини. А как тебя зовут?

Её красивая фигурка вызывает у Вэла лёгкое юношеское замешательство.

Вэл. Мини? *(Жмёт ей руку и отступает на шаг)*. Приятно познакомиться, Вэл!

Мини. Понятный нэйм.

Вэл. Можно присесть ненадолго? Это что за кэмп? *(Скидывает сумку на землю и садится к тлеющему костру)*.

Мини. Конечно, садись. Называется просто – "Хиппиленд". Здесь всё просто. Наши сюда уже четвёртый год приезжают, а я в первый раз. Тут полный кайф, сам видишь.

Вэл. А где же народ?

Мини. На море, конечно. *(Вскидывает волосами. В её руке незаметно оказывается сигарета)*. Такая жара. Скоро все придут чай пить. Не могу просечь – ты что, один в горы идти собрался?

Вэл *(как можно равнодушнее)*. Один. А тебя оставили кэмп сторожить?

Мини. Йес. И ещё чай приготовить. Кстати... *(Кокетливо щурится)*. Ты умеешь костёр разводить? У меня никак не получается.

Вэл. Оф корс. *(Хмыкает)*. Веток сухих надо бы подбросить для начала.

Мини. А ещё раньше их нарубить. У меня с этими ветками всегда заморочка.

Вэл. О'кей. Топор есть? Да можно и без него...

Он поправляет повязку на голове, подходит к куче хвороста, наскоро ломает руками несколько веток и бросает в костёр.

Мини *(протягивает туристский топорик)*. А топор... не нужен?

От её близости Вэлу становится не по себе.

Вэл. Давай, с топором прощае. Нарублю вам хвороста на прощанье.

Собирая сухие ветки среди кустов, Вэл собирается с мыслями: "Красивая девчонка... Но из другой жизни. Из чужой... Встретил, чтобы забыть. Дорога – это забвение. Нужно пройти мимо, в одно касание, остаться свободным, – так он учил... Ладно, выпью на дороге кружку чаю – и в горы". Он возвращается сквозь кусты, бросает к костру охапку сухих веток и слышит приближающиеся голоса.

Мини. Это наши камают.

Она шевелит палкой в пламени под закопчённым чайником, расправляет клеёнку, расставляет кружки. В этот момент женщина в купальнике с распущенными светлыми волосами выходит на полянку и удивлённо останавливается, переводя взгляд с Мини на Вэла и охапку хвороста.

Шакти. Хай! Вы уже приехали? *(Помедлив, вопросительно)*. Ты из Питера?

Мини. Нет, это Вэл! Он из Москвы. Случайно на нас набрёл.

Шакти (*с ухмылкой заканчивает её фразу*). И сходу начал нам дрова рубить. Стар, разуй-ка плексиглазы!

Лысеющий толстяк в промокнутом потёртом халате останавливается и стреляет очками на Вэла, тот растерянно улыбается в ответ.

Стар (*весело*). Наша Ми даже здесь кого-то захомотала. Ну, чудеса!

К костру подходят ещё трое.

Шакти (*обернувшись к остальным*). Знакомьтесь! Это Вэл, из московских хиппов. А как его Мини здесь нашла? Невероятно!

Мини (*щебечет, как старшеклассница*). Он сам нашёлся.

Вэл (*неуверенно кивает всем сразу*). Привет! Я сегодня в Сухуми приехал, добрался до моря, искупался с дороги и теперь в горы иду. Набрёл вдруг на ваш лагерь, ну и подумал по жаре передохнуть немного. Если можно...

Шек (*брюнет лет сорока с подпалинами солнечных ожогов по худому городскому телу усмехается и садится к огню*). Понятный чувак. Сразу решил сделать Мини хэлп.

Стар (*добродушно смеётся*). Передышка в пути, называется. Шакти, отбери топор у гостя! Мне за вас стыдно.

Шакти (*дружелюбно улыбаясь, подходит к Вэлу*). Так и надо. Где ты видел женщин с топором? Но теперь расслабься. Садись к костру!

Стар (*жмёт руку Вэлу*). Стар! А это Шакти, моя жена – бывшая Катя и даже Кэтти... (*Продолжает церемонию знакомства.*) Это Шек и Лариса. Она не хочет, чтобы её звали Ари, так что кликухи у неё больше нет – просто Ларик.

Белотелый шатен приветствуют Вэла небрежным кивком, его кареглазая спутница – улыбкой издаലെка.

Стар. А это наша Шушу.

Невысокая девушка-крепыш хмуро суёт для рукопожатия жесткую ладонь, бросает на Стара недовольный взгляд.

Шуза. Меня зовут Шуза!

Мини (*обиженно*). А я?

Стар. А ты ведь с ним уже познакомилась, ххе... Ладно, отец! (*Жестом приглашает Вэла пододвинуться поближе.*) Чаю попьёшь с нами? Доставай крухан.

Вэл садится рядом со Старом, роется в сумке и высыпает её содержимое на клеёнку: кусок сыра сулугуни, несколько ломтей хлеба и горсть дешёвых конфет.

Голоса. Ого! Конкретный жест!

Стар (*иронично*). Старичок, тут ты сразу в топ попал! Прости за дурное слово, по привычке вырвалось.

Шек (*поправляет кожаный хайратник, пододвигается и садится около Вэла*). Значит так, Вэл... Надо закончить процесс. Стар, как ты понял, олдвый хиппарь и рулит нашим кэмпом. В меру суров, но снисходителен. С заморочками, хотя по жизни прост. И добр, как Санта-Клаус. К тому же классный художник. В духе Волошина...

Шуза (*неожиданно и невпопад*). И страшный симпатяга.

Стар (*со смешком гладит лысину в венчике редеющих волос*). Не такой уж страшный, пока.

Шек (*демонстративно оглядывая Вэла*). Прикид у тебя вполне хипповый. Нот соу бэд. Подожди, мы дрессы сменим. А ты пока сделай релакс и вообще, будь как все.

Вэл кивает, потирает бороду.

Шакти. Да. За чаем покалякаем.

Она ныряет в палатку, за ней скрываются Ларик и Шуза, а мужчины забираются в соседнюю, размерами поменьше.

Мини (*с милой улыбкой*). Вэл, помоги чайник с огня снять. Ты гриновый будешь? Другого не осталось.

Вэл. Мне в дороге и вайтовый пить приходилось. И просто воду.

Мини хмыкает и смотрит, как Вэл управляется с горячим чайником.

Шек (*голос доносится из палатки*). Кстати, старик, у тебя в бэге чай не завалился случаем? А то мы с прошлого вечера вторники гоняем.

Вэл. Нет, я без чая обхожусь, сори. А купить его тут разве нельзя?

Голос (*из женской палатки*). Насмешил! Вокруг пусто, как в открытом море. За любой едой в Сухуми мотаться надо.

Шек (*из другой палатки*). Здесь только рэд вайн есть, хоть упейся!

Стар (*вылезая к костру в прежнем облезлом халате и белой круглой шапочке на лысине*). Именно. Ты "Ахалшени" местного разлива не пробовал? Кайфово пьётся. И стоит гроши.

Мини разливает чай, готовит бутерброды с сыром, облизывает пальцы.

Мини (*весело*). Пли-из!

Она садится по-турецки у края клеёнки, все располагаются вокруг на земле, с охами и вздохами тянутся к еде.

Стар (*похохатывается в сторону Вэла*). Ну что, дорогой! Ты, кажется, попался. Сходу отсыпал нам отвального корма, мы про такой уже забыть успели. Теперь народ ждёт твоего расклада. Ты не спешишь?

Вэл (*замявшись*). Хотел бы сегодня до гор добраться, где-нибудь в ауле заночевать, а с утра двинуть дальше.

Шакти (*вопросительно смотрит на Стара*). Ты можешь и у нас перенайтать. Если хочешь, конечно. А утром по прохладе двинешь. А, Стар?

Стар (*поправляет очки и проводит ладонью по лысине*). Иначе и быть не может, старичок. Скоро вечер. Ничего путного ты для ночлега уже не найдёшь. На сегодня мы тебя вписываем. В палатках, правда, мест нет и спать противно, если честно. Зато у костра полная свобода.

Вэл. Спасибо. Даже не знаю...

Шек. Отдам тебе на ночь свой спальник, если хочешь.

Стар (*добавляет*). А я одеяло могу предложить.

Вэл. Ну, раз так... Пожалуй, до утра... (*Обводит всех взглядом*). Мэни фэнкс.

Стар (*усаживаясь поудобнее с кружкой в руках*). Теперь для начала о себе пару слов отглаголь! Народ тебя слушает.

Вэл задумывается, отхлёбывает чаю, взглядывает на игру морской лазури, и ему приходит мысль, что оказался он в этом лагере неслучайно.

Вэл. Попробую. Не знаю, как получится. Я в московском универе на философском учусь. В систему год назад знакомый с факультета привёл. Сначала было кайфово, жить заново начал. Кругом – совок, жизнь одинаковая, одинокая. Всё запретно, заперто. А у нас – кайф всеобщий, свобода, музыка, книги, люди потрясающие, разговоры о смысле жизни, обо всём на свете. Любовь без границ... Ну, а потом нас всех трясануло. Да та-ак!.. (*Прикрывает глаза, смолкает на миг*.) Она была среди нас самая красивая, умная, яркая. Вокруг неё вся тусовка крутилась. Стихи писала, песни. И вдруг – овердоза! В двадцать лет. И записка предсмертная: «Любовь невозможна, жизнь не нужна». (*Шурится, взглядываясь в огонь*.) Немыслимо... Из вас кто-нибудь хотел бы умереть? Реально превратиться в прах?.. За ней многих потянуло. Страшно стало быть вместе. И просто быть. Когда мне подвернулась отравка понадёжнее, я уже не думал, я летел в никуда. Ад видел... (*Лицо Вэла искажается, он вскакивает и сжимает кулак у лица*.) Меня спасло чудо. Или Бог, не знаю! Её поцелуем, губами, голосом, словом: «Люблю!». В последний миг. Мы с нею были едва

знакомы – столкнулись на одной поганой флэтюре. Сбежали со всех тусовок, с наркотой порвали. Вместе выжили. Любовь заменила нам всё. Всё на свете! Я поверил, что жизнь, Бог, любовь – одно. Что рай – внутри нас. Так она говорила, и я чувствовал, это правда. Не мог представить, что через полгода невероятного счастья мы... навсегда расстанемся. Она сказала, что у нас будет ребёнок, и я в ужас пришёл. Умолял подождать. Год, два... Пока вся дрянь из нас не выйдет. Чтобы уroda не родить! Она рыдала, кричала, ничего слушать не хотела. Говорила, что готова одна за всё ответить. За наше прошлое, за всю грязь. А потом исчезла... (*Вэл будто давится воздухом.*) Написала в записке, чтобы я навсегда её забыл. Прочёл и сутки лежал как мёртвый. Несколько дней искал её по знакомым. Думал, сорвусь. А потом сбежал из дома, из Москвы, чтобы не загнуться со второй попытки. Полтора месяца назад...

Шакти. М-да... Круто вас захлестнуло.

Лариса (*не выдерживает, почти кричит*). Господи, по самому краю ходят! Ни за что гибнут. И сколько таких! Музыка, искусство, любовь, немного кайфа для вдохновения... А в крови уже смерть. (*Смотрит на Вэла.*) Ты хоть понимаешь, к чему её клонил? Почему она сбежала? Детоубийство, самоубийство, убийство – это же богоубийство! Война против жизни. Большого зла не бывает!

Шакти (*машет на неё рукой*). Ларик, что ты его заклинаешь! Мозгами в жизни ничего не поймёшь. Нужно хоть раз ужаснуться. Непоправимо, навсегда! И чем раньше, тем лучше. (*Оборачивается на Вэла.*) Ладно. Главное, вы с нею живы остались. Скажи, а куда ты теперь идёшь? Что ищешь?

В памяти Вэла всплывают уносящие в небо поцелуи, нескончаемые месяцы любви, миг разрыва и синяя пропасть в её глазах... Чёрный провал. Грохот железнодорожных вагонов, просёлки, попутки, развалины церквей, лица старух, голос бродячего монаха: "Вера – это дорога"...

Вэл (*очнувшись*). Я ведь не из дома ушёл, из всей прошлой жизни. (*Тихо произносит.*) Что ищу? Другую жизнь. Где любовь не кончается. И чудо, которое называют Бог.

Лариса привстает у костра на колени, что-то хочет сказать Вэлу.

Стар (*опережает её*). Заходы у тебя крутые, старичок. (*Хлопает Вэла по плечу.*) Будь слегка проще. Мы тут, конечно, понемногу колдырим, но живём без дури. И без твоих заморочек. Вполне клёво получается, заметь. (*Щурится в усмешке.*) Так что дыши с нами ровно.

Вэл (*мрачнеет*). О'кей. Постараюсь. Ну... вот и весь прогон. Спасибо за чай. (*Выплёскивает остатки чая из кружки и тянется к своей сумке.*)

Стар (*усмехается*). Да ты не спеши! Смотри, едва ты вякнул про что-то божественное, Ларик сразу на колени перед тобой встала. Она с весны в православную тусовку вписалась. Там у них полно отцов. И даже старцев. На твоём месте я бы...

Лариса (*борясь с раздражением*). Стар! Мне это для смирения, конечно... Но всё, что чуть выше твоей лысины, тебе не понять! На глазах превращаешься в истукана индусского. И насмешки твои – дурацкие! Поддеть что-ли нечем? Дай лучше поговорить!

Стар. Хорошо меня приложила, по-христиански. Ценю.

Лариса (*наклоняется к Вэлу, доверительно*). Представляю, из какой жути вы с нею вылезли. И её и тебя понять можно. Но, знаешь, я ведь тоже искала. А нашла совсем рядом. Я не против гор, но... может, ты попросту от себя бежишь? И никак не остановишься? Прости, конечно.

Вэл. Да, от себя, если задуматься... Недели две назад я случайно с бродячим монахом повстречался. Невероятный человек. Когда-то математику в Москве преподавал. Мы целую ночь в церковной сторожке проговорили. Он меня радости

учил... Говорил, иначе вера бессмысленна. Бог – это открытие, в котором любой ум тонет. А душа – ликует. К истине ведёт вовсе не прямая. И от сердца к сердцу тоже. У откровения другая геометрия. А ещё он мне про кавказских старцев рассказывал. Вот я приехал. Может, найду их здесь. Много, о чём спросить нужно. На краю жизни лучше её смысл понимаешь. А там – как Бог даст.

В тот же миг Стар взрывается.

Стар (*с горячностью, переходящей в резкость*). Для начала растолкуй заморочку! Кликуха у тебя забугорная, джины штатские, косынка на голове какая-то гималайская, а ты нам про православие талдычишь?

Вэл. Меня так в системе называли, ну и осталось... А вообще меня зовут Павел.

Стар (*тоном поучения*). Павел – будет честнее. Если ты христианин, должен от кликухи отказаться. Вон, как Лариса. Видишь – крестик носит. А ты под кого косишь? Ментов боишься что ли? Тарзан.

Вэл хватается за голую грудь и бледнеет: крестика на нём нет.

Вэл (*едва слышно*). Потерял.

Стар (*оглушительно хохочет*). Ларик, сколько раз я тебе говорил, что христианам нельзя верить! Лгут и себе, и другим. (*Блещет очками на Вэла и восклицает с шутилой горячностью*.) Немедленно переходи в лоно индуизма! Постепенно станешь самим собой, и лгать будет не нужно.

Вэл (*пунцовый от смущения*). Ещё утром он на мне был. Не представляю... Ладно. (*Меняется в лице*.) Спасибо за всё. Теперь мне точно пора!

Резко встаёт, вскидывает сумку на плечо. Лариса, сидящая дальше всех, вскакивает и бросается ему навстречу.

Лариса. Не слушай его! Стар чудесный, но иногда пургу несёт. Он меня уже достал со своими комплексами – почему христианство, зачем? И так далее.

Стар (*вздыхает*). Опять! Сколько раз повторять, что у меня только вопросы. Это у вас и у эрбпенсов комплексы и невроты. К Востоку эти дела не относятся.

Лариса (*не отвечая, бёрёт Вэла за руку*). Переночуешь у нас, а завтра пойдёшь. Не обижайся. (*Быстро целует его в щёку*.) Стар приложил тебя, как бы сказать?.. Ради углублённого знакомства что ли. Такой у него прихват жлобский есть. Задел ты его, видно.

Стар (*шипит*). Чушь говоришь...

Шакти (*подходит и для убедительности обнимает Вэла за плечи*). Твой прогон – целая хипповесть. Или хипповесть. Правда, незаконченная, но всё в точку. Столько народу о нашу систему покарёжилось! И всё по дурости, от отчаяния, от одиночества. Но в нашем кэмпе всех любят. У нас тут полная свобода. И совести и убеждений. Оставайся, увидишь.

Вэл (*колеблется*). Да я обиды не клею. Просто хочу найти свой крестик. Как можно быстрее. Наверняка, я его утром на берегу потерял, когда купался. И даже не заметил. Глупо...

Шек. Брось, отец, расслабься! Из-за феньки голову ломать. Другой купишь. Если Бог и есть, то в таких вещах не нуждается.

Лариса (*с возмущением показывает на свой крестик, невидный под майкой с надписью "Love"*). Жэка, я тоже феньку ношу? Тебя мой крест достаёт, да?

Шек. Ты его этой весной нацепила. А до этого вполне клёво без него жила.

Стар. Шек, не трави любимую жену – в жизни пригодится! Павел, прости, дорогой! Я рад, что ты у нас нарисовался, честно говорю. Садись! Народ, вспомним, кто мы и почему вместе? Чтобы стать истинно свободными, ну и немного покайфовать на нашей земле.

Лариса (*садится к костру, тянет за собой Вэла, но смотрит через огонь на Стара*). Как художник, признайся! Ты ведь лучше других должен чувствовать, что такой радости и красоты как в христианстве, ни в одной вере нет.

Сбросив сумку, Вэл вновь садится к огню.

Стар. Неужели я так юно выгляжу? Ты же знаешь, радость сменяется печалью и наоборот. Всё в мире призрачно. Истинная мудрость учит идти мимо страстей, искать великий покой и находить утешение в малом. (*Ныряет в палатку и вновь возникает, побалтывая начатой бутылкой вина.*) Закончим расклад московского гостя по обычаю. На сей раз остатками "Киндзмараули"! Не слышу криков "ура".

Несколько голосов (*дурачась*). У-ра-а! Уррра!

Шек (*слегка толкает Вэла плечом, кивая на Стара*). Он круто запал на Востоке, в отцы метит. Но пока ещё допускает свободомыслие и живёт с нами в кэмпе, как простой мэн.

Стар (*замолкает, иронически наставив очки на Шека, потом наполняет кружку Вэла*). Держи колдырь! Гостю первому полагается.

Шакти. За нас! За наш кэмп!

Шуза (*кричит и подпрыгивает на месте от воодушевления*). За всех пиплов! За "Хиппиленд"... без границ!

Все тянутся друг к другу с кружками.

Стар (*похахатывая*). Народ, полегче со странником. Ему завтра с утра придётся на большую голову в горы переть, к старцам.

Лариса. А что ты его так резко отчисляешь? Вэл, тебя никто не гонит. Завтра, послезавтра – сам смотри.

Шакти. Конечно, оставайся! (*Поочерёдно переводит взгляд с одного на другого.*) Правда, Стар, Шек?

Стар (*со смехом*). Отец, все девы тебя сразу срисовали. За еду, разумеется.

Шек (*не обращая внимания на Стара*). Расклад у тебя был напряжный, если честно. А вообще про такие трассы, какую ты отмахал, я только слышал. Ехать на товарняках и электричках, добраться на шару до югов это класс! Кстати, покажи свой трассник! (*Вэл протягивает ему страничку, вырванную из школьного атласа по географии.*) И с этим ты ездил? Инкредибл!

Шакти (*кричит, перебивая всех*). За любовь! Только любовь выше свободы! (*Плещет остатки вина в воздух над костром.*) Теперь вместо вина у нас будет огонь. Будем впивать его глазами и гореть душой.

Стар (*обернувшись к Вэлу, кивает на жену*). Она у нас стихаресса. Ей всё можно.

Мини и Шуза (*вздывают руки к небу и бросают вверх пустые кружки*). Любовь! Свобода! О-о-о! А-а-а!

Действие второе. Рассуждения о любви и вере

Вэл плещет в костёр остатки из кружки и ловит беглый взгляд Мини.

Стар (*усаживается по-восточному и громко произносит, явно затевая спор*). А я последний глоток пью за истину. Только в ней свобода. Для мудреца истина выше любви, ненависти и прочих страстей.

Лариса (*запальчиво*). Истина без любви и свободы нужна только астрономам. Чтобы вычислять ход погасших светил.

Стар. Не заводись. (*С усмешкой поглядывает вокруг, потом кивает на Вэла.*) Шек, кажется, девы немного запали от его прогона. А?

Шек. Да, я заметил. Что-то в последнее время наши вуменс к попам и церквям потянулись. "Бог есть любовь", и они кайфуют. Свечки, кресты, монахи. Красиво, конечно... А ведь мода эта на Русь, как и всё самое лучшее, с Запада пришла.

Стар. Нет, я думаю по-другому. В России начинают дуть ветры Великой степи. В православии всплывает Восток, и совдепия превращается в "русскую Индию". Мы – первые тому свидетели.

Он с усмешкой поднимает указательный палец, затем изображает мудру "Будды проповедующего".

Шек (*затягиваясь сигаретой*). Брось, старик... Лет пять назад, помнишь, мы вчетвером на Памир ходили. Ари тогда среди нас самой нешуточной была, исмаилиткой хотела стать. А теперь в обратную сторону потянулась – на Запад. Куда-то под Ригу к старцу своему ездит. Не могла в Питере чувака отыскать.

Лариса (*гневно хлопая себя по колену*). Во-первых, чувак – это ты! А он – мой духовный отец. Во-вторых, причём тут Запад? И Восток тут не при чём. Я езжу к моему духовнику. Неважно, где он живёт. Вы, как дети, то в Америке, то в Индии откровений ищите. И всё по заумным книжкам! А что вокруг, в упор не видите. Слабо вам, как Вэл, в горы отправиться, по русской глубинке побродить.

Стар. По совку, ты хотела сказать. Чего тут искать? Это же мёртвая страна. Одни синяки в сёлах остались, и в городах синь непроглядная. (*Поворачивается к Вэлу.*) Этот твой бродячий математик, от него явно шизой несёт – ты уж прости. Слишком он радостный, если тебя послушать. А православные старухи, хоть и настоящие, но это тоже клиника, только мрачная и убогая. Они скоро перемрут, и после них вообще никого не останется.

Вэл (*резко*). Насчёт клиники. Давай так – диагнозы каждый ставит только себе! Ты этого монаха даже не видел. Зря я о нём тут заикнулся...

Стар. Ну, пусть ты прав отчасти, ладно. Всем, кто в эсэсэрии хоть немного на религии подсел, крезовоз уже заказан. Их, этих кавказских старцев, гэбэ обязательно добьёт. Тебе крупно повезло, что встретился с монахом. А где сейчас наши святые, отшельники, странники – такие как на Востоке? В дурдомах! Тут, в горах, ты никаких отцов не найдёшь. Спокойно поезжай домой. Последние из них давно умерли – или в Гулаге, или за бугром. А где вообще сейчас наши гении – писатели, философы, художники? Вы много их видели, слышали?

Вэл. Много не бывает. И по мусорнику их не покажут. Да они сами ото всех скрываются. И не только от попсы, а просто чтобы не стать никому в кайф.

Стар (*понизив голос*). Пожалуй, тут ты тоже прав. Учителей всегда было мало. Но сейчас и последние исчезли, а новые не появляются. Рождаются одни придурки. Кстати, (*Стар, хмыкнув, оборачивается к жене*), потому я никогда и не хотел детей. Ты же видишь, кого растим, на свою голову... Так что, Ларик, нам остаются одни книги. Только книги! Ты ведь сама с книгой и спишь и ешь.

Лариса (*вспыхивает*). Это Евангелие, а не просто книга!

Стар. А для меня Упанишады вместо Евангелия. И вместо учителей. (*Задумчиво.*) Боюсь, сейчас ни в Индии, ни на Тибете, ни вообще на земле не осталось истинных старцев.

Вэл. Что бы кто ни говорил, а учителя искать нужно. Книги – это только пища в дороге, одежда, карта – что угодно. А ходить, находить, идти до конца учит духовный наставник.

Стар. И у тебя он, конечно, есть!

Вэл. Теперь есть. Это мой незримый духовник. Мастер пути. (*Отворачивается, чтобы не продолжать.*)

Стар. Придумывать ты мастер. На Востоке старца нужно искать до тех пор, пока он сам тебя не найдёт. А раз уж вы расстались, глаголь проще – учителя у меня нет. А от себя добавлю – и быть не может.

Лариса. Стар, хватит понтыру гнать! Откуда ты знаешь, что может быть, что не может? (*Глядя на Вэла.*) Ищите и обрящете! Мы все должны странствовать по жизни, а не кайфовать по флэтам и кэмпам.

Шек (*хохочет*). Что ты сейчас и делаешь, диэ тичер.

Стар (*поднимая палец*). Опять крайность, Ларик. Потому над тобой и смеются. Хотя наш лагерь – не просто стоянка, это мысленное продолжение дороги, у каждого своей. Кто не понимает, объясню особо.

Он шутливо хмурит брови и смотрит в сторону Мини и Шузы. Шакти приваливается спиной к коленям мужа и с улыбкой ждёт, чтобы вставить слово.

Шакти (*умиротворённо*). Сейшны нельзя отрывать от трассы. Но я о другом хочу сказать. Когда мы были моложе, искали не запредельные истины, а любовь. Только о ней и думали. Для меня любовь – и есть высшая истина. Мини, Шуза, скажите!

Мини (*плечом толкает подругу*). Без любви, как без кислорода!

Шуза (*падает со смехом*). Умираю, задыхаюсь...

Стар (*зорко поглядывая то на Вэла, то на Ларису*). Не впадайте в самообман. Для христиан, как и для буддистов, земная любовь – это майя, то есть зло. Шакти, мы же с тобой читали Евангелие, помнишь: "Весь мир во зле лежит..." Вы согласны?

Лариса. Прости, ты главного не понял. Для православного "мир" – это пространство без любви, потому он и "лежит во зле". А пространство любви – это церковь, община верующих. Там человек рождается заново и при крещении получает новое имя. Система наша тоже так была задумана – соединить всех любовью, спасти от одиночества, научить радоваться жизни, сберечь всё живое в природе, сохранить её красоту! Святые о том же писали. Жизнь – высший дар, божий. Отсюда и прозвища наши наивные – чтобы отделиться от мёртвого мира. Вообще, на мой взгляд, всё лучшее в системе было взято из христианства. А потом начались отходы и подмены – Восток, фрилав, наркота – вместо радости и любви.

Стар (*с тоской в голосе*). Опять начала...

Шек (*пожимает плечами*). А почему для тебя наши нэймы теперь наивные? Сказала бы дружеские. Ларик, поменьше мистики! Проще живи, и будет хайлайт.

Шакти (*лучезарно улыбаясь*). Да, давайте проще! Пора подумать об ужине.

Стар. Подожди. (*Глядя на Вэла*). А ты что закочумал?

Вэл. Интересно послушать. Все мы думаем об одном и том же, хотя такие разные.

Стар. Ты больше разный, чем мы. И вообще, как я понял, от системы далековат. Не обижайся, старичок.

Вэл. А я не скрываю, что от неё отошёл.

Лариса. Стар, почему ты его чуть ли не в совки записываешь? Потому, что не о Востоке, а о христианстве говорит? На Западе среди хиппов полным-полно христиан. И католиков, и протестантов, и даже православных. А у нас за это в тюрьги сажают или по психушкам – как бешеных. И вообще это большой вопрос – что объединяет всех хиппов и отличает от монстров разных стран и народов?

Шек. Как что? Свобода, отказ от насилия, а у нас ещё – отказ от совка во всех видах, от лабуды про "светлое будущее".

Стар. Этого мало. За бугор тьма всяких придурков отваливает "за свободой", к таким же придуркам, как они сами. Причём тут система? Восточные отцы говорят: ищите внутренней свободы и просветления!

Мини. Нет, настоящий хиппи – это тот, кто нашёл любовь и ею живёт. Остальные просто пластики!

Шакти. Именно. Мы – дети живого мира, люди праны. Дышим и этим счастливы. Я так Вэла поняла. *(Кивает ему.)* Ты согласен?

Вэл. Ты лучше меня сказала.

Лариса. Конечно, наша суть – радость жизни, любовь ко всем, свобода, вера. Ну, правда же, народ?

Стар. Всё это пустые слова – "радость", "любовь", "счастье". Путь к истине требует честности. Это путь аскета. Его цель – достижение бесстрастия, а в пределе – нирваны. Ему нельзя смешиваться с вещами мира, он должен бороться с земными желаниями. *(Вздыхает.)* Но мы, увы, не на Востоке. Нам без лёгкого колдыря всё-таки не обойтись. Круче мы не берём, чтобы не рухнуть в полёте.

Шек. А поначалу ты на травке немного зависал, вспомни.

Стар. Но быстро сник. Понял, что можно жить и без духоты. Всё зависит от твоих мозгов и личного дара. Я бы назвал его художественным, если хочешь. Лажовых чудес не бывает, отец. Пустырь и от самой лучшей травки пустырём остаётся, даже если неделями торчит в лом и ловит кайф в собственном навозе. Через пару лет чувак отъезжает или сам кидается, ничего не просекая. Вот и всё удовольствие.

Вэл. Кстати, насчёт любви и радости. *(Он пересекается взглядами со всеми, взглядывает на Мину и опять оборачивается к Стару.)* Мне неясно, как вообще Восток вторгся в нашу систему? Ведь ни в буддизме, ни в даосизме нет понятия "любовь". Или я плохо их знаю...

Стар. У индуистов есть понятие "бхакти" – душевная связь между Богом и человеком.

Вэл *(задумчиво).* Бхакти для меня – одно из предчувствий христианства. А что ещё? В исламе есть мистика любви, но слишком телесная, "гаремная", я бы сказал. А православие для меня – это обожествлённая радость, невыразимая. Внутри каждого страдания, любой скорби.

Стар. Да, брось ты. Это индуизм открыт всем труждающимся и обременённым, всем радующимся жизни – глупым и умным, пьяным и трезвым.

Шек *(всё больше распаляясь).* А почему бы нашим хиппам дружно не стать католиками? Или протестантами? Вот где истинная культура. Чистая религия любви, без полисов и гёбухи у каждого подсвечника! На такую любовь и должна опираться система. Она не случайно возникла на Западе, а не в Чухломе какой-нибудь и не в Москве. Что вы всё за православие, за совдеповскую церковь хватаетесь? Там же пусто – одна ложь и лажа! Разве не ясно?

Лариса вскакивает и, не находя слов, с криком "О-о-о!" бросается прочь.

Вэл и Стар *(одновременно).* Лариса! Ларик, подожди!

Вэл *(сощурился, говорит в лицо Шеку).* Зачем смешивать совдепию и церковь, тюрьму и заключённых? Да, зэки живут по законам тюрьмы, но тюремщиками не становятся. Мы с вами в этом государстве только прописаны, а остаёмся свободными. Потому что этого хотим! Вся Россия погребена в эсээрии, но ею не является. Я это только недавно понял.

Шек пытается что-то возразить, но тут возвращается Лариса и кричит, всех перебивая.

Лариса. Это церковь-мученица! Миллионы были сосланы, лучшие из народа – уничтожены! Мы же вместе с тобой "Архипелаг" читали! Как ты можешь?!

Вэл *(машет ей рукой, успокаивая).* Совдепия со своим Гулагом появилась и исчезнет, а православие останется.

Шек *(сбавляя тон, но с прежним упрямством).* Вместе с совдепией рухнет и православие. В тот же день, увидите! Предчувствую, что облом будет грандиозный...

Стар (*поднимает руку*). Всё! Шек, ты всех победил. Да здравствует Папа римский! Выдохни и задержи дыхание. Народ, перед нами два пути. Путь низший – прикончить последнюю бутылку "Ахалшени" в надежде договориться. Думаю, надежды нет – только испоганим неплохое вино. Путь высший – резко перейти к ужину и вечернему концерту. "Ахалшени" при этом не отменяется. Вы как?

Шакти (*оборачивается к девушкам*). Мы за ужин и концерт. Причём, уже давно.

Мини (*звонко*). Йес-с-с!

Шакти (*поворачивается к Шеку и Вэлу*). А вы как?

Шек (*выдавливает кислую улыбку*). Жалко, конечно, вино портить каляками бессмысленными.

Стар. Тогда кончаем базар.

Вэл, забыв про окружающих, влезает на ближнюю скалу и долго, неотрывно смотрит в море. Солнце касается горизонта, пунцово горит и высвечивает на земле тени. Воздух наливается сизыми сумерками, а пламя костра набирает яркой силы.

Шакти (*поднимается на скалу к Вэлу*). Созерцаешь. В нашем кэмпе все понемногу клины ловят. Я первое время совсем потерянная ходила, между небом и землёй родину искала. Морем болела и им же лечилась. Тут далеко уносит, а в Питере сразу ломка начинается, особенно по ночам. Тянет назад невыносимо... Ладно, пойдем ужинать, пока ты не подсел тут на закатах.

Вэл (*разом спрыгивает с высоты к костру*). Я горами спастись буду, если что.

Стар (*сходу включается в разговор*). Правильно, старик. Разбежишься и ка-ак бросишься с берега в пучину гор! А пока сиди, копи силы. (*Уныло поводит носом над кастрюлей.*) Опять макароны. (*Насмешиливо оборачивается к Вэлу.*) Это стало нашей здешней судьбой. В ближайшем селе есть лабаз, но нет еды. Нет вообще! Что-то невероятное. В Цзы-Бзыре... или как его там, тоже почти ничего. Лаврушка не в счёт, её тут целые леса. А ехать в Сухуми лень.

Лариса. Но всё равно придётся, у нас макарон на два дня осталось, не больше. И банка зелёного горошка.

Шакти. Да, надо бы купить чего-нибудь понажористей, сразу на неделю.

Стар (*усаживается у своего любимого камня*). Мне всё равно, я чистый травоед. А по жаре вообще не важно, что шамать, можно прожить и на лапше. (*Испытующе смотрит на Вэла.*) Кстати, как ты насчёт поедания плоти невинных животных? Ты же православный, должен всё это хавать с самым блаженным видом.

Вэл. Мясо и рыбу я не ем. Но других глупо осуждать, раз уж мир так устроен. В Индии горы овощей, фруктов и вечное лето. А попробовал бы какой-нибудь джайнист выжить зимой в нашей глухой деревне на одной пшёнке. Кстати, ламаисты в Сибири и Монголии, я слышал, спокойно потребляют мясо и от стыда не пухнут.

Шакти. Значит, мы с тобой одной крови! Тогда предлагаю проглотить то, что есть, быстро и молча, как лекарство.

Мини (*обводит виноватым взглядом сидящих вокруг костра*). И с закрытыми глазами. В кастрюлю зола насыпалась. Ай м сори.

Стар. Ладно, мы к твоей кухне привыкли.

Шакти. Давайте будем считать единственной едой вино с сыром. Устроим праздник в честь нашего кэмпя. Это будет пир из остатков всех предыдущих пиров. Я пойду поищу кое-что. (*Шуза хлопает в ладоши.*) У нас в заначке последний бутл остался. Думаю, это тот самый случай!

Стар. Согласен.

Мини (*подпрыгивает, тянет Шузу за руки*). А потом концерт. Ура-а!

Шек. Фиат!

Шек приносит из палатки гитару, берёт аккорд, подкручивает струны и слегка откашливается.

Лариса (*суёт мужу миску*). Поешь сначала. Если еду выдержишь, spoёшь. Как сумеешь. (*Раздаётся смех.*)

Шек (*жуёт, театрально морщится, затем поднимает бутылку вина над головой*). Нет, макароны съедим напоследок, чтобы вино не портить.

Шакти. Пожалуй. (*Встаёт, молитвенно раскрывает заходящему солнцу объятия*). Предлагаю выпить за этот закат, смотрите!

Стар (*вскидывает голову и опять углубляется в еду*). На тебя смотреть или на солнце?

Шуза. Давайте за наш костёр! Ни разу ещё не пили.

Стар. Ладно, и за костёр выпьем. И за море, и за землю. Но только по глотку, чтобы всему досталось...

Шек (*с кавказским акцентом*). Пьём ваапше за всо кароши, батано.

Стар (*продолжает*). ...за свет, за огонь, за дрова. Что там ещё?

Мини. За нас.

Стар. Ну, а как же, и за вас тоже. И за нас, может быть. Это на неделю беспробудного пьянства. (*У костра поднимаются кружки.*) Только чокаться не надо. Сколько раз объяснял, что это западное варварство.

Лариса. Бред полный. А я вот хочу! (*Наклоняет голову к Вэлу, намереваясь поговорить*). Это старинный народный обычай, правда, Вэл? (*Чокается с ним и понижает голос.*) Как я рада, что ты вдруг возник! Я здесь, как в осаде. В Питере среди хиппов много христиан, а тут я одна.

Шек (*пищит по-девичьи*). Бедняжка.

Вэл (*шепчет Ларисе*). Звучит лажово, но я в душе всегда верующим был. Стремился к чему-то настоящему, только не знал к чему. Христианство и другие религии по книгам изучал, а жил как последний даун.

Лариса. А ты давно крестился? Расскажи.

Вэл. Недавно. Но как рассказать... Вспоминалось какое-то видение смутное – ещё с детства. Был какой-то шёпот в душе. Но началось всё после знакомства с системой. Когда завис между тьмой и светом. Точнее, после того, как она меня спасла. А потом привела креститься. Она была верующая.

Лариса (*изумлённо*). Как же вы могли расстаться?

Вэл (*сокрушённо машет рукой*). Не хочу мрак вспоминать.

Лариса. Чтобы не произошло, отчаиваться нельзя... Это как спиной к Богу повернуться. Ты ведь не знаешь, что у неё было на душе, когда уходила. Настоящая любовь вернётся. Как дыхание после обморока... (*Задумывается, пристально смотрит на Вэла.*) А знаешь, как я к вере обратилась? Мне мой младенец приснился. Неродившийся. Потом ещё раз, через месяц, наверное. Ручки тянет ко мне и улыбается. Это был бы мальчик, я знаю. С тех пор – всё. Я другой стала. Когда тянет плакать, когда никто не слышит, не видит, я молюсь. Не могу жить без молитвы. Она для меня, как надежда, что Бог простит грех мой ужасный. (*Отворачивается, с трудом шепчет.*) Что ещё даст мне ребёнка. Так тяжело, а Жэка не понимает.

Действие третье. В ритме рока

В это время слышатся аккорды и звучный проигрыш какой-то мелодии. Все поворачиваются к костру. "Квины", "Кинги", "Дженезис"? – пытается вспомнить Вэл. Шек сидит на камне, собирается с мыслями, поигрывает струнами. Потом

негромко, отлично владея гитарой, начинает петь битловскую "Can't Buy Me Love".
Получается очень похоже.

Девушки (бурно трепещут ладонями). Класс! Ещё спой! Браво, Шек!

Стар (приподнимая с лысины шапочку). Старик, в который раз снимаю восточную шапку с моей буйной головы. Не могу забыть любовь молодости!

Шакти (хмыкает и в воздушном поцелуе протягивает руку в сторону Шека). Спой "Квинов!", "Love Of My Life", умоляю!

Мини (кричит и вскакивает с земли). "All My Loving"! "Hey Jude"!

Шуза. "And I Love Her"! Да-а! Да-а!

Вэл. "Stairway To Heaven"! Хотя бы мотив напой.

Лариса (выразительно смотрит на мужа). А для меня "йесовскую" "Wonderous Stories". Помнишь?

Шек поёт одну песню за другой, целиком или частями, с чётким английским произношением, красивым несильным голосом. А сам будто оказывается в иных временах, в иных краях... Перед ним так и остаются нетронутыми кружка вина и хлеб с последним кусочком сулугуни. Все молчат, смотрят в огонь. Шакти подхватывает некоторые мелодии на флейте, Лариса и Мини сидят, касаясь спинами и слегка покачиваются, Шуза помешивает палкой в костре, Стар медитирует с каменным лицом. Вэл навзничь лежит на земле и тонет в небесах.

Шек (опускает гитару и поднимает кружку). Ну, зис из энаф. За Битлов и за всех, кто взлетел после них – на предельную высоту!

Шакти. И за тебя, Шек!

Она встаёт и звучно чмокает его в щёку, затем подбегают Мини и Шуза.

Мини. Это кайф полный! Окончательный! Шек, милый...

Стар (качнув головой). Дурной пример заразителен. Пока все будут тебя в очередной раз обцеловывать, мы с москвичом выпьем за твоё здоровье последние капли вина.

Вэл. А давай выпьем за рок-музыку, без которой мы никогда бы не собрались вместе.

Стар (разглаживает халат на груди). Если честно, мне Рави Шанкар и Али Акбар Хан теперь гораздо ближе, чем рок. Как-то согревают.

Шек (подсаживается к ним). Эти твои гудошники индусские? Да, перестань!

Стар. Ладно, вас не переделаешь. Пьём за дикие западные песни!

Шуза. И за пляски тоже.

Стар. Да, за пляски до упада.

Мини. За дэнс всего мира! Вот был бы кайф у этого костра с африканцами попрыгать или самбу с латинами рвануть! (Делает несколько выразительных движений.)

Стар (Шеку). Срочно изобрази для Ми африканца. А я ритм отбивать буду.

Шек. А может ей лучше танго продавить в темноте? С Вэлом, например?

Шакти (протягивает Шеку гитару). Не доставай юнгов! А помнишь, как ты спиричуэлсы синговал. Улётно было. Запад и Африка вместе, столько красоты, силы. Спой, а...

Лариса. Да, Жека, что-нибудь радостное. "I Must Tell Jesus", "It's Jesus In Me"...
Чтобы все немного примолкли.

Она взглянула на мужа и чмокнула губами, Шек отмахнулся.

Шек. Конечно, соул мьюзик я и сейчас люблю... *(Нервно.)* Хотя бы потому что в одном спиричуэлсе больше жизни, чем в православных завываниях и восточных тянучках.

Стар *(смеётся)*. Ну, отец, ты всех разом приложил. И нечего даже выпить за твоё здоровье, что обидно.

Шакти. Шек, дорогой! Пусть это не твоё, но другие любят, и значит, правы. Что толку наезжать друг на друга? Лучше уж петь, чем пургу гнать через силу.

Мини *(издаёт печальный писк)*. А ещё лучше танцевать.

Шакти *(с пафосом)*. Русская душа безмерна, всё принимает! Восток – Запад...

Шек. Может, хватит про русскую душу? И про Восток тоже? Можете гасить меня, сколько хотите, но без Запада и его культуры хиппов просто не может быть!

Стар. Сдался ты, гасить тебя. У тебя все клины на Западе сошлись. Запад гасить надо – вся попса оттуда в нашу систему прёт.

Лариса *(вскидывает вверх кулаки)*. Не понимаю, Стар? Что ты в последнее время, как семафор, всем всё указываешь: Восток – Запад, можно – нельзя? У нас в России всё примиряется, я согласна с Шакти. Мне, например, церковное пение в кайф, а ты его никогда не слышал. А ещё художник! Ведь песнопения – это иконы звучащие.

Вэл *(пытаясь сбавить пыл нового спора)*. Я сегодня утром в сухумском соборе грузинские песнопения слушал. Вам когда-нибудь приходилось?

Лариса. А мы там даже и не были.

Шакти. Почему, кстати?

Стар. Надо бы зайти при случае к кепкам, поглазеть. Я не против.

Шек. И что ты там услышал?

Вэл *(закрывает глаза)*. Вкратце было так. Я начал слушать, и меня на земле не стало...

Стар. Ясно. Сразу вознёсся на небеса.

Вэл. Нет, оказался где-то очень далеко от совдепии, от разных наших заморочек.

Стар. Тьфу. Не люблю гонима пустого.

Шакти. Стар, ты дашь нам поговорить!? Всех без конца заводишь. Мне этот бэзэр уже выше крыши. Тормозни чуток! Или я стопанусь, и тогда надолго.

Стар. Ладно! *(Опрокидывает над головой пустую кружку и восклицает.)* За кайфом кайф, идут года! Всё остальное – ерунда!

Лариса. Да, мальчики, абзац! Потом когда-нибудь доспорите. А теперь настройте тишину. Слышите? Море и цикады...

В этот момент раздаётся мягкий шорох, шуриание пакетов с едой и крик Мини.

Мини *(кричит в кусты)*. Опять ты! Псина противная!

Вэл *(зычно)*. Згинь! *(Невидимый пёс с шумом бросается прочь, Мини заливается смехом, сверкает глазами на Вэла.)*

Стар. Ну вот, звери приходят к погасшему огню... Пора спать.

Шек *(смотрит в небо)*. Судя по звёздам, уже часа два ночи.

Стар *(шутливо)*. Ложимся, как обычно, а гостю предложим на выбор – либо, как странствующему философу, место в палатке, между юными девами. Либо у костра, как начинающему бродячему монаху.

Вэл *(принимая шутку)*. А слабо будет всем выбраться наружу и спать под звёздами? Я, например, сходу засну без всякого спальника.

Шакти. Почему? Тебе Шек свой обещал отдать.

Вэл. Мне не нужно, я к земле привычный.

Шакти *(протягивает одеяло)*. Возьми. И чехлы от спальников постели, а то к утру продрогнешь.

Мини (*подходит к Вэлу со своим одеялом*). И моё возьми, на всякий случай. Утром тут сырость промозглая. (*В темноте чуть слышен её воздушный поцелуй.*) Пока!

Он ощущает мягкий ожог её пальцев и почти отдёргивает руку.

Вэл (*предельно смущаясь*). Мне, правда, не нужно.

Стар. Не выпендривайся! Девам давно ясно, что ты чувак нешуточный. Расслабься.

Шек (*появляется из палатки со спальником*). В одном наш странник прав: надо немного одичать, чтобы прийти в норму. Давно хотел на свежий воздух выбраться. Но спать я буду не у костра, а у сосны, на ближних камнях. Кстати, они до утра не остывают.

Шакти (*Ларисе, романтическим голосом*). Отныне Жека будет спать на скалах, как горный орёл.

Шек (*мечтательно*). Ит из э дрим. Засыпать, глядя на звёзды. Гуд найт, пипл! (*Его голос удаляется во тьме.*)

Стар заливает из чайника угли костра и последним скрывается в палатке. Вэл накрывается одеялом и блаженно растягивается на земле.

Действие четвёртое. Восточная флейта

От моря поднимается густой туман, клубится у скал, плывёт над палатками, повисает в листве. Вэл, завернувшийся в одеяла, просыпается от тихой возни у костра, над которым шипит, роняя капли в пламя, закопчённый чайник. На клеёнке высится горка грязной посуды. Лариса готовит завтрак.

Вэл (*приподнимаясь на локте, едва слышно*). Доброе утро.

Лариса (*кивает, прикладывает палец к губам*). Тсс! Стар проснулся и ушёл медитировать, а все ещё спят... Ну, как, нравится тебе у нас? Базар олдовый не слишком напрягает?

Вэл. Наоборот. Я старых хиппарей ещё, по сути, не встречал.

Лариса. Да, такие прогоны, как здесь, не везде услышишь. Со Старом дремать не приходится. Так и лезет в душу, на прочность проверяет. И Жека от него не отстаёт. Приходится изо всех сил упираться.

В это время на поляну возвращается Стар, подмигивает на ходу сидящим, ныряет в палатку и тут же появляется с флейтой в руках. Садится у своего камня и закрывает глаза. Раздаются протяжные, переливистые звуки, повторяются, текут к началу мелодии. Из палаток появляются остальные, усаживаются рядом с костром и застывают в созерцании. Вэлу грезится, что он сидит рядом с седым монахом у входа в горную пещеру. Птица кружит высоко в небе. Журчит ручей и утекает в нижний мир, где радость чередуется со скорбью, день проходит за днём, год за годом. Там жизнь движется в безысходности, течёт по кругу, как звуки флейты. Время заклинает живущих: "Ты пребываешь во мне, пока я пребываю в тебе!" А старец только вздыхает: "Господи, помилуй!" И улыбается закрытыми глазами... Над поляной висит тишина, беззвучно горит костёр. Стар опускает флейту, набирает воздуха и ведёт мелодию по новому кругу. Она кажется мыслью и дыханием, ускользает, отзывается в камнях и внезапно исчезает. Стар поднимает лицо, поворачивает ладони к небу и застывает в молитвенной позе. Ему следуют Шакти и Мини с Шузой. Лариса крестится и закрывает глаза. Шек, подперев рукой подбородок, продолжает неподвижно смотреть в огонь. Вэл погружается в безмолвную странническую молитву...

Стар (после долгого молчания). Оум! (Умиrotворённо обводит взглядом сидящих). Всем небесный привет! Всех с пробуждением!

Голоса. Хай! Привет всем! Доброе утро!

Мини (поёт, покачивая головой, и гордо поsmатривая на Вэла). Оум! Оум! Ауэр хоум! Оум! Оум! Оумм...

Лариса. А мы с Вэлом и без ваших мантр давно проснулись.

Стар (поправляя жёлтую головную повязку). Будда, в отличие от вас и от Христа, вообще не засыпал. На санскрите Будда значит, "Пробуждённый", или "Бдящий", если хотите. (Сверкает очками в сторону Ларисы и Вэла, садится на землю и тянется к чаю.)

Шакти (недовольным голосом). Давай отложим весь бэээр на вчера, ладно. (Её не слушают.)

Вэл. Меня лично Будда не напрягает. Он за шесть веков до Христа жил.

Лариса. Меня тоже, не очень.

Вэл (глядя на Стара, увлечённо). Тогда и откровения были другие, пробуждали от дикости. Но после пробуждения надо было как-то жить... Ладно, я вот спросить хотел. Ты только что на флейте Восток замечательно изображал. Но какой? Буддийский, индуистский, даосский? В твоей мелодии какая-то идея была?

Стар (немного поколебавшись). Отвечу тебе, старичок. Это моя обычная утренняя медитация. Я стараюсь каждое утро понемногу играть, чтобы потом лучше думалось. Считаю, это свободная смесь разных мотивов. И ты, кстати, первый, кто спросил о смысле. Девы наши только тащатся от мелодий и всё. Но на Востоке слушать – значит думать и молиться. (Он шутиливо указал пальцем через костёр.) Ми, не смотри на меня так, у меня жена есть.

Вэл. Кстати, по-русски "внимать" когда-то означало "понимать".

Стар (кивает, поправляет очки). Восточная музыка передаёт истинное и незримое, а мандалы – неслышное. Мандала – образ духовного мира. Просветлённый постоянно носит его в сознании, пребывает внутри нескончаемой священной мелодии. Для него все земные трагедии, без которых эропенсы жить не могут, растворяются в едином круге бытия.

Вэл. Красиво объясняешь. Но мандалу и близко с иконой не поставишь. Какие-то чертежи духа, скелеты мысли. Крест, как духовный символ, куда глубже, мощнее. Но не буду спорить... Скажи, а ты кельтскую музыку слышал когда-нибудь? Тоже не пустые звуки, и на Восток очень похоже.

Шек (встревает в разговор). Джастли! Ауэр пилгрим меня опередил. Отец, ты, наверное, шотландскую волынку никогда не слышал. Рядом с нею восточная флейта немного тускнеет.

Вэл. Кстати, кельтские хороводы – это символ бесконечности, а не только движения солнца.

Стар (отмахивается). Слышал. Волынку вашу по ящику зимою гоняли. Да, это древность, признаю. Но когда под неё хороводы в Европе водили, тогда ещё Запада, как такового, не было. Мозги у людей другие были. И всё равно – потрясающая разница с Востоком. В самих корнях уже! В Европе вечное повторение, там – вечное становление. Начало и конец мелодии всегда условны, включены в колесо сансары. Оно, кстати, вовсе не похоже на хоровод, вращается между небом и землёй.

Лариса (хватается за виски). Ужасно! Всё крутится в дурной бесконечности. Добро и зло, истина и ложь, жизнь и смерть – всё без конца превращается одно в другое.

Стар. Ты права, Ларик, как ни странно. Но успокойся, движение к светлому будущему под дурацким названием "прогресс" невозможно. Ему мешает зло

человеческой природы и вообще космическое зло. Называй его по-христиански дьяволом, если хочешь. Правда, есть возможность уменьшить собственное зло, улучшить карму и после телесной смерти превратиться не в червя, а в бодисатву. И быть может, достигнуть нирваны. Тогда колесо сансары для тебя размыкается.

Вэл. И ты достигаешь вечного небытия. Красиво, а?

Лариса. А по-нашему, ада, где исчезаешь навсегда!

Стар. А что такое ваше православное бытие? Объясните! Буддийский саньясин достигает небытия не вообще, а по отношению к призрачному миру. И взамен получает иное бытие, в высших мирах.

Вэл (*горячится*). А мне это поперёк, поскольку обратной связи миров в буддизме нет! Бесконечные обновления равносильны непрерывным разрушениям, умираниям заживо. Все высшие миры поглощаются чёрной дырой нирваны, то есть абсолютным небытием. В цепи перерождений всё перемалывается в вечную пустоту.

Стар. Которая равна вечной полноте!

Вэл. Значит, тьма равна свету, ложь истине, смерть жизни и так далее? То есть, всё взаимопревращается, и нирвана означает хаос? И майя есть отражение нирваны?

Стар. Чуть говоришь. Но объяснять слишком долго. Лучше скажи, как христианский рай связан с земной жизнью? Никак!

Лариса. Неправда! Связан через церковь. Церковь любящих душ – вот прообраз рая на земле.

Лариса оставляет недопитый чай и, видно, готовится к серьёзной битве.

Стар. Это какая церковь? С попами-гэбистами и стадом тупых старух?

Шакти. Стар, уши вянут... Прости, но вы с Шеком, как попугаи, уже второй день друг друга повторяете: церковь – гэбэ. (*Кивает в его сторону.*) Гэбисты и в буддийских дацанах есть. Совок для всех один. Фефёлой не прикидывайся, ладно!

Стар. Ну, пусть. Не в этом суть. Соглашусь даже, что после Гулага уцелела горстка православных отцов, которых Вэл собирается где-то в горах искать. (*Взглядывает на Шакти, которая знаками умоляет его остановиться.*) Но где эти любящие христианские души – образ рая на земле? В молодости я как-то зашёл в питерскую Лавру. Там меня безумные старухи и бородатые мужики едва не замочили. То ли из-за брюк-дудочек, то ли из-за жёлтых ботинок на микропоре. Я тогда стилигой был, как и все мои друзья, включая Катю – будущую Шакти.

Шакти. Ты же говорил, что спиной к алтарю встал, и с этого всё началось.

Стар. Ну, на минуту отвернулся. Хотел росписи над входом рассмотреть. Гадостью оказались, но надо было в этом убедиться.

Лариса. Попробовал бы ты у буддистов в храме повертеться во время службы. Помнишь, мы у них под Читой были? Как ты там млел.

Вэл (*пристально смотрит на Стара*). А почему ты говоришь, что тамошние росписи гадость?

Шек (*смеясь*). Я знаю. Потому что написаны в западном стиле.

Стар. Хуже – в антирелигиозном! Если бы я был православным, тут же, глядя на те стены, навсегда потерял бы веру. Запад после готики только падал и падал. И пришёл к полному религиозному убожеству. Византийская плоская икона – как художник вам говорю! – куда ближе к буддийским мандалам, индуистским лубкам, даосским пейзажам, дзенским гравюрам. То есть, ближе к истине, если хотите.

Шек (*ехидно*). Ещё пару рывков, и ты православным заделаешься. Я не удивлюсь.

Шакти. Стоп, фильтруй базар! От вас уже костёр гаснет. (*С досадой смотрит на говорящих.*) Вернитесь с небес. Мы уже почти на нулях, который день в Сухуми мылимся. Надо срочно или туда или в ближний аул грести.

Стар. Сегодня лучше в аул, а в Сухуми завтра.

Лариса. В округе еды не достать, вы же знаете.

Шакти. Ну, хотя бы за вайном сходить, а там как повезёт. Заодно все остатки доедим, чтобы не затухли. Кто пойдёт?

Шек. Я скамаю, не привыкать.

Шакти. Вэл, может быть, ты Шеку хэлп сделаешь?

Вэл (*встаёт с земли*). Ноу проблемз.

Стар (*допивая чай*). А у тебя на пару сухарей бабки есть?

Вэл. Как-нибудь наскребу.

Стар (*с усмешкой*). Придётся подкинуть студню. Шакти, возьми чирик у меня в ксивнике!

Вэл. Не надо, обойдусь.

Шек (*залпом допивает чай и поднимается*). Тогда – форвэд!

Шакти. Стар останется в кэмпе, а мы все пойдём на море. Искупаемся и позагораем без лишних дрессов.

Стар. А я хоть немного почитаю в тишине.

Шек (*протягивает Вэлу авоську с пустыми бутылками*). В ауле ченч сделаем – на домашнее "Ахалшени". Осторожней с хрусталем! Тут такой склон, шею сломать можно.

Шек надевает на голую спину рюкзак и карабкается вверх по тропе. Вэл идёт следом.

Действие пятое. Толкование Упанишад

Обед готов, все сидят у костра. Лариса помешивает половником в закопчённом котелке. Сверху слышится шум голосов и осыпающихся камней. На поляну выскакивает Шек, оборачивается и кричит.

Шек. Эй, полегче с ботлами! Ноу джокинг!

Вэл (*почти рушится на край поляны*). Ну и круто у вас! (*Осторожно снимает и ставит на землю рюкзак. У обоих джинсы до колен покрыты пылью.*)

Шек (*тянется за едой, жуя, говорит Вэлу*). Старик, мэновский заплыв в море откладывается на час-другой. А, сансэй? (*Толкает Стара в бок.*)

Стар насмешливо хмурит брови и кивает. Лариса усаживает Вэла рядом с собой.

Лариса. Быстрее включайся! Еды немного, аппетит у всех зверский. Бери миску.

Стар. И крухан. Незнакомец принёс вина и еды к костру, и племя признаёт его своим. Теперь у тебя есть законная прописка.

Вэл (*тем же тоном*). Спасибо, что ты меня узаконил. Но я ничего не покупал. Ваш знакомый джигит дал нам вина в обмен на бутылки, я только доплатил немного. А едой Шек занимался.

Стар. Не важно, ты ведь принёс. Ну, каких старцев ты там встретил?

Лариса (*облизывает ложку, готовясь стукнуть Стара по лбу*). Твой базл достал. Ты когда-нибудь расслабишься? Все давно поняли, что единственный старец – это ты и только ты! Доволен?

Мини (*не обращая внимания*). А мы ещё вчера Вэла прописали. Разве не так?

Стар. На одну ночь. (*Тянется кружкой к Вэлу, за ним остальные.*) За тебя и за нашу стоянку!

Мини. А потом за всех нас выпьем.

Шек (*говорит будто ребёнку*). Но сначала съедим за всех по ложке каши.

Лариса. Это плов, чукча, миленький! Из остатков риса, моркови и лука.

Стар. И с местной травой. Я тоже собирал – по питерским магазинам!

Вэл (*смеётся*). Вы же без травки живёте.

Шакти. Это хмели-сунели. Мы пакетик из дома захватили.

Лариса. В лес дрова привезли.

Шек (*чмокает языком*). А вкусно. Хайлайт.

Стар (*сверкает на него очками и делает грозное лицо*). Не порти обед варварскими выражениями!

Шек (*вперяясь страшным взглядом в Стара, начинает говорить, окая*). Ну, тогда крутота. Ежели по-расейски путём сказать.

Вэл (*продолжает, но без оканья*). Она же клевета.

Шуза (*прыскает в кулак*). Убой.

Мини. Чума!

Лариса. Улёт.

Шакти (*ухмыляется, глядя вокруг*). Отпад...

Стар (*довольно*). Проще, полный балдёж. И всё по-русски. Шек, дорогой, секи на будущее!

Шек (*отодвигает миску, очумело вертит головой и навзничь падает на землю*). О, великий и могучий, ясен пень! Финиш, больше не могу.

Лариса. Неужели объелся? Ты же среди нас на живот самый мощный. Дерево перевариваешь.

Шек. Я о другом. Крезовоз сюда не проедет, а мне слабо вас от клинов лечить.

Шакти (*командует голосом Стара*). Тогда, диэ докта, разливай твой медикамент! *Раздаётся общий смех.*

Шек. Разве этим вас вылечишь? (*Притворно таращит глаза, приподнимая бутылку.*)

Шакти (*со смехом*). Надежда всегда есть.

Шек. Предлагаю лекарство отложить на вечер, а сейчас принять джорджиан грин ти... с остатками сухарей по прозвищу "бискуит".

Стар. Да, плесните мне чаю, а я сейчас кое-что принесу.

Он скрывается в палатке и возвращается к костру с книгой в руках.

Шек (*уныло*). Опять ликбез.

Стар (*садится у своего камня и раскрывает книгу*). Вместе услышать и понять хоть одну великую истину лучше, чем по утрам тайком Евангелие читать, как Ларик.

Шакти. А почему тебя это колеблет? Ты сам без конца читаешь – то индусов, то китайцев.

Лариса (*резко*). Ты меня вынудил. Давно собиралась сказать, что твои "Джатаки" – бред полный! Это даже не для детей... Будда благословенный явил миру сверхчеловеческую любовь и скормил себя голодной тигрице, чтобы спасти от смерти её тигрят. Святой отдал нищему слепцу оба глаза и ослеп вместо него. Ещё один святой скормил себя людоеду или что-то в этом роде. Что на это скажешь, учитель?

Стар (*мгновенно распаяясь*). А твой Христос стадо бедных свиней ни за что погубил. Хотя в Библии сказано: "Не убий!" Это ведь буддийская заповедь, а не христианская! О чём Толстой и кричал во весь голос!

Вэл (*с азартом*). Свиньи в Евангелии – образ людских грехов, как черепа вокруг голов у бодисатв. А вот буддийское "не убий!" означает для человека "умри!" – не борись против зла и как можно скорее покинь несчастную землю. Тогда переродишься в святого.

Лариса. Именно! Всё это бесчеловечно и просто глупо. Понял, наконец? Молчи уж, если живёшь, как все, ешь, пьёшь и так далее.

Стар. "И так далее" с законной женой. (*Ловит протрельный взгляд Шакти, таращит глаза в ответ.*) Готов немедленно выпить за наших женщин, но в полдень трудновато. Только у них в душе всё примиряется – Восток, Запад, Россия...

Лариса (*упрямо*). Нет, не всё! Не говори вздора!

Стар. Хорошо, соглашусь, что "Джатаки" – немного лубочная книжка, для недалёких, но такие в любой религии есть. А теперь послушайте слова истинной мудрости. Я год выписывал отрывки из Упанишад. Вы всё равно никогда их не прочтёте, хотя это великие древние откровения. Грамотные могут молча отдыхать, а потом задавать глупые вопросы.

Лариса. А умные, наставник? (*Лукаво склоняет голову.*)

Стар. Если потянешь на умный вопрос, буду искренне рад... Начну с потрясающего места в одной из Упанишад. Само это слово означает "познавать рядом с учителем" или что-то в этом роде... Там все замечательно, но этот отрывок – просто блеск. (*Поднимает указательный палец.*)

Шек (*откидывается навзничь*). Я отключаюсь.

Шакти. Тебя потом включить или сам сумеешь?

Шек. Сам. Ай эм эбсент. Валяй, Стар. (*Зевает, закрывает глаза и вытягивается на земле.*)

Стар. Ладно, уговорил. Теперь слушайте. Вот к чему зовёт "Брихадараньяка-упанишада". (*Открывает заложённую страницу и размеренно читает.*) "Оум! Ум, помни совершенное, помни! Ум, помни совершенное, помни!.. Поистине, жизненное дыхание – больше, чем надежда... Жизнь движется благодаря дыханию". (*Прерывается и обводит всех глазами.*) Потом идёт мысль, которая меня навсегда поразила: "Поистине, бесконечное – счастье. Нет счастья в малом, лишь бесконечное – счастье... Где не видят ничего другого, не познают ничего другого – это бесконечное. Где же видят другое, слышат другое, познают другое – это малое. Поистине, бесконечное – это бессмертное, малое же – это смертное". (*Останавливается, испытующе смотрит на Вэла.*) Так древние индусы писали о вечном божестве. Теперь прочту отрывок из "Субала-упанишады", сугубо для нашего странника: "Узнав великое состояние, да обитает он у подножия дерева. Покрытый рубищем, без спутников, одинокий, сосредоточенный, стремящийся к Атману, достигший желанного, свободный от желаний, с угасшими желаниями... Да пребывает он в истине, ибо истина – это Атман". (*Замолкает, обводит глазами лужайку и произносит по памяти.*) "Мудрый, изучив по книгам сущность высшего знания и мирского понимания, оставляет полностью книги, как ищущий зёрна – солому". Так учит "Брахмабинда-упанишада". На этом закончим. Оум!

Мини, Шакти. Оум! Оумм!

Шек (*приподнимается на локте*). Мне вдруг Вэла жалко стало. А дальше-то что ему делать? Ни почитать, ни поговорить, ни попеть, ни выпить. Превратиться в живую мумию и, сидя под деревом, созерцать в себе бесконечность? Ближе к смерти – ближе к Богу. Так что ли?

Стар. Нет никакой смерти, на самом деле. Есть переход души в другую оболочку. О чём глаголешь? Однажды тебе надоест, и ты уйдёшь из своего тела, как через минуту уйдёшь с этой лужайки.

Шек. Но сюда я смогу вернуться. Здесь мне кайфово.

Стар (*отмахивается*). Задолбал своей земной премудростью. А что ты знаешь про настоящий кайф? Про сатори? Я кучу книг прочёл и лишь догадываюсь, о чём речь.

Лариса. Уж конечно! Только на Востоке знают, что такое блаженство. Но им неведомо истинное счастье – в слиянии души с Богом.

Стар. На Востоке нет понятия "счастье", как об этом все вокруг талдычат. Зато есть праздник. На Востоке – это священный обряд, в котором смешаны радость, гнев, любовь, благоговение, страх...

Шакти. Я бы сказала, счастье мало общего имеет с радостью. Радость – это нечто простое, человеческое, доступное, мимолётное.

Стар. Радость и у животных есть, а счастье – пустое, детское слово.

Вэл (*машет сразу двумя руками, пытаясь сказать*). Стар, спасибо, что эти отрывки прочёл! Я потрясён. Такой порыв к небу! Но ведь познание высшего "я", которое индусы называют "Атманом", —лишь начало пути ко Христу. Божественная бесконечность несравнимо выше её отражения в уме человека, даже самого великого. Тут не о чем спорить. И еще... Мне тоже кажется, что искать счастье бессмысленно. Человеку свободы следует искать только вечное, как в эпоху Упанишад.

Шек (*кричит*). Ю ток нонсенс! Хватит проповедей!

Мини (*тоже кричит в сторону Вэла*). Нет ничего вечного! Мы не в небе живём, а на земле. Любовь, счастье – всё проходит. Здесь кроме кайфа искать-то нечего.

Вэл. А истинная любовь, а восторг? Кажется, Фет сказал: вечное – это ещё и человеческое.

Шакти (*поправляет*). "То, что вечно – человечно".

Вэл. Именно. Кайф что-то коротит в мозгу, даёт вспышку наслаждения и всё. Только печень портится и мозги плавятся. А восторг переворачивает жизнь, меняет судьбу! Он выше разума, страха смерти, сильнее всех чувств вместе взятых. Мы говорим о счастье, а оно – лишь эхо когда-то пережитого восторга.

Шек. Опять заумь. Человечнее – значит проще! Неужели не понимаешь?

Мини. Восторг может быть только в любви – в реальной...

Шек (*усмехается*). Чтобы чилдрэн рождались, йес?

Мини (*с досадой*). ...и больше нигде! Всё остальное от шизы наворочено.

Вэл. В любви... (*Пристально смотрит на Мини.*) Но в такой, которая больше нас, не кончается вместе со страстью, не дряхлеет вместе с телом. Только такая любовь ведёт к восторгу, к Богу. Птица создана не для клетки, восторг – выше плоти!

Стар (*указывая пальцем на Вэла*). Трындёж. Может, хватит? Никто из нас не пережил сатори, не возвысился умом до Абсолюта. Так что, давай, помолчим.

Шек. Философ наш расписал слащу несусветную. Ты хоть раз что-то подобное испытал? Чтобы навсегда хэд заклинило? Нет. Потому и сидишь тут, базаришь.

Вэл. Да не в мозгах дело, а в душе! Поймите вы. Ей не кайф, ей другое нужно. Запасть от музыки, свихнуться от красоты, обезуметь от любви! С ума сойти во имя божье! Пережить такой восторг, когда миг равен жизни!

Мини, Шуза (*кричат одновременно*). Ура, креза катит!

Шек. Абзац, я шизею! Таких глюков по жизни не бывает, только в навороченных книгах.

Лариса (*с досадой*). Да подожди ты...

Шек (*не обращая внимания, машет рукой на Вэла*). Ладно, с ним всё понятно. Что у нас дальше? Море? План такой. Все, кроме наших вумэнс, резко спускаются к морю, плавают и загорают до изнеможения в костюмах блаженного Адама. Эз вэри либерти бойз. Остальные тоже свободны до общего ужина на закате солнца.

Лариса (*будто не слышит Шека*). А я согласна с Вэлом. Середины в вере не бывает. Лучше, чтобы ты был холоден или горяч – это Христос сказал. Посредственность всё душит.

Шакти (*хмурится*). Ларик давай, наконец, на землю вернёмся. Если все они на море слиняют, кто нам будет помогать ужин готовить? И из чего?

Стар (*всё еще в возбуждении спора*). Пошевели ботвой! Вы-то здесь зачем? Готовьте из всего, что ещё можно есть. В ауле с едой слегка обломилось, но лапши мы купили, и муки полпакета осталось. Завтра с утра смотаемся в Сухуми, а сегодня как-нибудь перебьёмся.

Шек (*обращаясь ко всем*). На Востоке так – немного послушают учителя, а потом пашут на него целыми днями. Иногда всю жизнь.

Мини. Неплохой задвиг про учителя. А смысл в чём, Стар?

Стар. Начинается... Повторяю, служить учителю – это радость, которая редко кому выпадает. В "Майтри-упанишаде" написано: учитель – это "образ света, не знающего сна, лишённого старости, смерти и печали". Я не собираюсь быть твоим учителем, хотя бы потому, что поспать люблю. Но всё-таки, Ми, когда я приучу тебя к размышлениям о смысле жизни? Правда, единого смысла нет, каждый отец учит по-своему...

Лариса (*не выдерживает*). Это для тебя нет, а для других есть. Правда, Вэл?

Стар (*недовольно*). Опять разговор до полуночи. Нет уж. (*Обращаясь к Вэлу*.) Старик, ты идёшь на море?

Вэл (*медлит*). Вообще-то я хотел бы свой крестик найти. Знаю, где мог его обронить. Недалеко отсюда, за ручьём, около скал. (*Машет рукой куда-то в сторону*.) Хоть попытаюсь... Ну, а потом к вам присоединюсь.

Шек (*вертит пальцем у виска*). Шансы нулевые, если мозги слегка наморщить. Ну, ищи! Против крезы не попрёшь.

Стар. Атман всегда свободен. Шек, двинули! Он нас через полчаса на берегу встретит.

Лариса. Ты уверен, что его нужно искать? В самом деле, смысла нет. Если хочешь, завтра в Сухуми другой себе купишь, в той самой церкви. Нет, лучше я сама тебе куплю, в подарок.

Мини (*неожиданно*). А мы хотим с Вэлом пойти. Поищем вместе. По крайней мере, прогуляемся. Мы с Шузой в той стороне ещё не были.

Шуза (*упрашивает*). Да, пошли, Вэл! И тебе не будет скучно в одиночку пилить. Мы только дрессы сменим. (*Не дожидаясь ответа, скрываются в палатке*).

Мини (*кричит изнутри*). Холд он а моумент!

Вэл. Ну, если хотите. (*Пожимает плечами и виновато улыбается*.) Там, в самом деле, красиво.

Лариса. Идите, конечно. Мы и вдвоём справимся.

Шакти. Ладно, потом нам расскажете. Может, и мы туда прогуляемся как-нибудь. *Девушки одна за другой появляются из палатки и уходят вместе с Вэлом.*

Лариса (*изумлённо смотрит вслед и качает головой*). Ну, наши герлы и прикинулись. Оцени!

Шакти. Да-а, у юнгов теперь задвиги куда круче, чем у нас были!

Герои уходят со сцены и тут же появляются на киноэкране.

У моря. Сила боли.

От скал и зелени исходил томительный жар. Стрёкотали кузнечики. Сквозь листву плыли тягучие запахи, сочилась горячая небесная синева и, стекая вниз, разливалась до горизонта.

Разумеется, они говорили ни о чём, едва замечали дорогу, то и дело переглядывались и беспричинно смеялись. Шуза, к немалому удивлению Вэла, оказалась в шортах, чуть надрезанных на бёдрах, и тонкой сорочке без пуговиц и рукавов. Мини неспешно петляла среди камней в знакомых джинсах с весёлой

бахромой и линиялой футболке на голое тело, как он тут же догадался – её маленькая грудь трепетала при каждом шаге. Он снял майку, обливался потом и шёл, упорно отставая. Кожа горела, но, казалось, солнечный жар пёк изнутри. А Мини, как нарочно, то и дело оглядывалась, словно показывая точёную фигурку, улыбалась, взмахивая медно-золотыми волосами. Вэл отводил взгляд, тёр влажный лоб и отчаянно жалел, что согласился идти вместе с ними. Чтобы овладеть собой, ушёл вперёд, обогнув обломок скалы с другой стороны, и затеял пустяшный разговор с Шузой. Чувства и воображение отдыхали на этой дурнушке с затаённой грустью в юрких голубых глазах. Он посматривал на её смуглое лицо, короткие прямые волосы, крепкий торс с плечами пловчихи, круглые глиняные ноги и не мог сдержать усмешки:

– Шуза, нэйм у тебя прикольный. Кто тебя так наградил? Давай руку! – он перешагнул через камень и обернулся к ней.

– Обойдусь, – усмехнулась та. – Меня так хиппы прозвали, ещё на первом курсе. Я тогда на спорте заворачивалась и дэнс давила на босу ногу. Всё балдели.

Мини ускорила шаги:

– Её не за дэнс так прозвали. Она с виду тихая, а может и зацемить. Только тронь, мало не будет.

– Да, могу фейсануть какого-нибудь дауна! – выпалила Шуза и колко прищурилась.

– Хочешь сказать, что немного шузанутая? – Вэл весело поёжился. – А я-то думал, тебя так кликанули из-за любви к шузам понтовым.

Он выразительно глянул на её затрёпанные сандалии, и все рассмеялись. Шурша галькой они шли рядом по широкому каменистому пляжу.

– С тобой не соскучишься, – улыбнулась и отвела глаза Шуза.

– С тобой тоже. Только стрёмно. Зафигачишь в ухо, если что не так.

– Если будешь доставать со стёбом... – она хмыкнула. – Но тебе пока не грозит.

Сразу видно, что ты классный чувак.

– А ты где букваришь? – сменил тему Вэл.

– Мы обе на биофаке учимся, в универе питерском.

– О-о! Выбор чёткий – поближе к природе, подальше от городских помоек...

Мини, а тебя кто так прозвал?

Она в упор полыхнула серебристо-голубыми, ласково смеющимися глазами:

– Само прилипло. Я самая молодая в тусовке была. Ты нам лучше про себя расскажи.

– Глючно, что ты на православии так заворачиваешься, – прищурилась Шуза, глядя на Вэла.

Он промолчал.

– В Питере, я слышала, двое хиппов недавно сторчались, – Мини сбавила голос. – А одна герла, на год старше меня, этой весной кинулась.

– Попала на ублюдка, и он её опустил... – хмуро добавила Шуза.

Помолчали, и Мини неожиданно спросила:

– А ты так и будешь в одиночестве странничать? Искать любовь безответную?

– Я такую не ищу, – произнёс он как можно суше. – И никогда не искал.

– А что ты ищешь? Старцев?

Вэл не ответил, поймал взгляд Мини и не выдержал – так испуганно зашло сердце. Её глаза нежно лучились, плавилась, проникали внутрь. Он отвернулся, сорвал и сунул в рот какой-то горький листок. Несколько мгновений шёл, как во сне: "Нет-нет. Здесь я чужой. Они же знают: моя жизнь превратилась в дорогу. Монах мне сказал: кто ищет другой жизни, должен стать другим. Зачем ей моя любовь? Знает, что красива, и

просто испытывает себя на мне? Нет, я с нею не выдержу..." Вэл почувствовал, как в глубине тела неодолимо поднимается страсть. Помрачнел и тут услышал голос Шузы:

– Ты, правда, послезавтра в горы уходишь?

Он пришёл в себя и удивлённо посмотрел на девушек:

– Откуда такие сведения?

– Ну, правда? Скажи! – не отставала Мини.

– Скорее всего. К вам на днях фрэнды из Питера приедут. Скучно не будет.

– Не заморачивайся с ними! У костра места всем хватит, – наморщилась Мини.

– Ты у нас классно вписался. Они, если приедут, то со своей палаткой, – вставила Шуза. – Так что оставайся до упора. Чего ты шугаешься?

Вспомнились страдания старшеклассников рядом с красивыми девочками и надёжный способ успокоиться – немедленно сделать себе больно. Он до крови закусил губу и понял, что нужно на время куда-то исчезнуть. У самого подножия береговых обрывов шли сплошные заросли ежевики и перевитого лианами кустарника. Вэл свернул туда, пробрался между колючками и сорвал несколько чёрно-блестящих, игрушечных ягод:

– Хотите?

– Давай, – отозвалась Шуза и протянула ладонь через кусты, за ней потянулась Мини, её пальцы щекотнули руку:

– О, сладкая-я! А ещё?

Шуза недовольно фыркнула:

– Что, сама не можешь набрать? Смотри, сколько тут!

– Самое оно, когда тебя такой бой угощает, – сверкнула глазами Мини.

– Ладно, Ми, покамали! – насупилась Шуза. – На обратном пути насобираешь.

От жары мягко подкашивались ноги. Казалось, они все вместе плывут – по груди в невесомых волнах.

– Кстати, когда вы все отсюда съезжаете? – спросил Вэл, вновь выбираясь из кустов на тропинку.

– В конце августа. У Шека с Лариком отпуск кончается. Ну, и вообще, у всех дела сплошняком пойдут – у кого учёба, у кого ворк, – Мини то и дело улыбалась, облизывала фиолетые губы, показывая кончик сиреневого языка, напевала, вскидывала волосами, забиралась в заросли: – Смотрите! Я рододендрон нашла, дикий! А тут эвкалипты растут. Такие крошки!

Шуза поглядывала то на небо, то на Вэла с Мини:

– У Стара с Шаки кинды в школу идут. Им годиков по десять, кажется. Достают по-страшному, вот они и сбежали сюда на месяц. Тут везде такой улёт, а ты куда-то мылишься...

– Ладно, посмотрим, – задумался Вэл. – Чуть позже, чуть раньше, но в горы я всё равно пойду.

Он поймал взгляд Мини, почувствовал, как опять в глубине колыхнулась кровь.

– Возьми нас с собой? – она шутливо прищурилась. – Ну, что за кайф одному бродяжничать?

– Значит вы хотите запросто в горы рвануть?

– А чем мы плохая компания? – Шуза вызывающе прищурилась.

– Тогда для начала нужно... – Вэл прибавил шагу, – ...проверить, как вы умеете прыгать по камням. Догоняйте!

Все трое с хохотом ринулись по берегу. Добежав до ручья, он перемахнул на другую сторону и обернулся. Шуза далеко обогнала Мини, подскочила к воде, пружинисто прыгнула на один камень, на другой. Но тут под её ногой что-то

скрежетнуло, и она упала в середину потока. Вскочила, несколько раз шагнула, растерянно глядя на Вэла, и сморщилась от боли.

– Ударилась? – крикнул он и перескочил ручей обратно.

– Кажется, ступню вывихнула... И коленку ушибла, – Шуза постояла в воде и, хромая, двинулась назад, отстранив Вэла.

Вода стекала по её волосам и лицу, сорочка прилипла к широкому торсу, на коленке расплылось розовое пятно. Она села у ручья, потирая ногу.

– Больно? – Мини подбежала сзади и обхватила подругу за плечи.

– Кеглю подвернула... – Шуза кривилась от боли.

– Давай вернёмся! Я помогу идти, – Мини погладила её по волосам.

– Может, вам вернуться в кэмп? – Вэл переводил взгляд с одной на другую. – Я один схожу. Чтоб потом себя не корить.

– Да, идите вместе! А мне посидеть нужно, ступню в воде подержать. Не хочу, чтобы распухла.

– Может, ты с нею останешься? – спросил он Мини. – Я бегом туда-обратно сметаюсь.

Она вздохнула:

– Ладно, останусь.

– Бросьте вы из-за меня заморачиваться! Что там искать-то? Просто прогуляться... – Шуза выразительно глянула на Мини, пошевелила ступнёй и растегнула ремешки сандалий. – Посижу, на море посмотрю.

– О'кей, Шузик. Потом вместе потихоньку вернёмся, – Мини поцеловала её и осторожно перешла ручей, пробуя ногами камни.

– На тебе, как на кошке, заживёт. Ты герла мощная! – ободряюще крикнул Вэл.

– К утру всё пройдёт! – Мини махнула рукой Шузе и обернулась к нему. – Обломно получилось.

– Если и ты по дороге рухнешь... – Вэл погрозил пальцем, отвернулся и услышал: – Донт ворри!

Некоторое время они быстро шли по гальке, покрытой соляным налётом, мимо островков травы, то в полушаге от прибоя, то у кромки береговых зарослей, волнами падающих к морю. Когда за скалами скрылся злосчастный ручей, Вэл тревожно ощутил близость Мини.

– Этот нэйм не зря Шузе прилепили, – с усилием произнёс, глядя вперёд.

– Она отчаянная. И, жуть, какая упрямая, – Мини вздохнула где-то рядом. – А далеко эти твои скалы?

– Метров триста пройти. Только осторожней! Тут такой берег...

– А если я вдруг рухну по пути, что тогда? – кокетливо протянула она.

– Стрёма не наводи! Для начала буду долго поливать тебя морской водой, – Вэл обернулся, сделал страшные глаза, но, поймав её встречный взгляд, зарёкся от шуток.

– Мы через этот ручей ещё никогда не переходили. Здесь только Шек был. В прошлом году, кажется...

– А зря. Видишь эти скалы? – Вэл, не оборачиваясь, показал рукой вперёд. – Сейчас поднимемся, оттуда вид потрясный. Только крепче держись! Тут не Питер, – крикнул он, перелезая через валун.

– Ты такой мэн! Если что, сможешь меня до кэмпа на руках донести, – усмехнулась Мини за спиной.

– Конечно, и Шузу в придачу...

Всё труднее становилось скрывать волнение. В голове кружили мысли: "Оказаться с нею наедине? Вовсе этого не хотел. Придётся терпеть." И он, как сомнамбула, шёл вперёд. Тропинка потерялась среди огромных камней. Их неровные

замшелые бока высились один над другим, уходили в тёмные расселины. Кое-где лениво трепетали на ветерке жёлтые травинки, зеленели мелкие кусты и крошечные деревья-уродцы. Несколько раз Сва втаскивал Мини за руку вверх, пока они не поднялись на знакомую ребристую вершину. Спугнутые чайки падали к воде, взлетали в небо и парили рядом, тараща глаза. Морская равнина медленно зыбилась, волны горели на горизонте, закипали у берега словно от жара. Ветер с моря ровно давил на тело, одуряюще пахло влажным йодистым теплом.

– Чувствуешь? – он потянул носом и многозначительно посмотрел. – Запах бездны.

– Скажешь тоже, – мотнула головой Мини.

– А ты вниз посмотри. Тут невысоко, но...

– Ой! – она схватилась за его плечо, тут же отпустила и вскрикнула:

– Смотри, Шуза уходит!

За полоской ручья Вэл разглядел фигурку, ковьяющую к подножию берегового обрыва, и покачал головой:

– Не дождалась.

– Она всегда так. Никогда не знаешь, чем её заклинит, – Мини махнула рукой. – Всё равно, я её очень люблю. Это моя бэстовая подруга. Ладно, пошли быстрее.

У Вэла перехватило дыхание. Он гнал от себя и топил в море сумасшедшие желания: "Проклятье, лучше в воду брошусь. Иначе, грош мне цена", – стучало в голове. Лицо и спину щекотали струйки пота. Ноги растомлённо дрожали и едва не расплзались на камнях.

– Не так быстро, умоляю! – крикнула Мини и ухватилась за выступ скалы. – Голова кружится.

– Хорошо, – закусил он губу и не обернулся. – Давай передохнём.

Петляя между скал, Вэл силился вспомнить свой вчерашний путь. Казалось невероятным, что накануне он с лёгкостью прыгал здесь по каменным глыбам, не подозревая, что где-то существует крошечный "Хиппиленд" и в нём живёт Мини. Она стояла почти в обнимку с ним и поправляла пряди сияющих на солнце волос. Вэл то и дело вскидывал волосами, прятал глаза, говорил небрежно, не оборачиваясь:

– Стой тут. Я посмотрю, где спуск.

– Ошизеть можно, столько камней. Если б я знала... Мама миа!

Мини споткнулась и едва не упала.

– Давай руку, – мгновенно обернулся Вэл. – Уже почти пришли. Вон, видишь последний спуск? Ну!

Он сжал мягкую потную ладонь и потянул к себе. В висках часто и жарко билась кровь, волнами расходилась по телу. Протискиваясь между камней, они прошли десятка два шагов. За спиной слышалось усталое дыхание Мини.

– Наконец-то! – Вэл спрыгнул вниз на знакомую маленькую отмель. – Это здесь. Держись!

Он поднял обе руки вверх и напряг мышцы.

– Стрёмно... – улыбнулась она сверху, зажмурилась и повисла у Вэла на шее.

– Хуфф! – он опустил её и тут же отпрянул, словно выпрыгнул из костра.

Мини сделала вид, что ничего не произошло, восхищённо шагнула к морю:

– О, фajn! Как красиво!

Отмель узким клином раскрывалась волнам и с двух шагов обрывалась в подсвеченную солнцем глубь. Под ногами шуршала мокрая галька. Влажная пыль разом заполнила грудь.

– Да-а... тут бы я искупалась!

Мини сбросила сандалии и вошла в прибой. Её глаза сияли, волосы и кожа светились под небом. Она не чувствовала ни тени смущения, а Вэл задыхался. Еще миг и тело обезумеет. "Зачем мне это, Господи?" – он наклонился к воде, потом сел в волну по-турецки и умылся, чтобы придти в себя.

– Ты что? – невыносимо тихо спросила Мини за спиной, – Весь мокрый будешь. Встань.

Он мотал головой в ответ, и сквозь полузакрытые глаза металось из стороны сторону море, небо, солнце.

– Хоть бы джинсы снял, если купаться хочешь. Я отвернусь, – ещё тише произнесла Мини и вдруг легко погладила его по щеке и волосам.

...Вода с шумом сомкнулась над головой, заурчала в ушах. Руки и ноги двигались помимо воли, и перед глазами с каждым взмахом наливалась мраком сине-зелёная глубь. Вэл упрямо плыл ко дну, пока не начал задыхаться. Голову сдавил жидкий металл. Вспыхнули и ушли под череп радужные пятна. Раздался гул и грохот, сотни лиц вихрем промелькнули в сознании.

– Погибну! – в ужасе рванулся он вверх.

Несколько мгновений не чувствовал рук и ног, лишь видел, ничего не понимая, как распадаются перед глазами чёрно-синие, зелёные, золотые круги... В один миг море стало небом. Он задыхался, хватая воздух. Слышал, как с хрипом и кашлем отступает смерть, и молился каждым вздохом...

Вокруг колыхалась прозрачная тёплая бирюза, ласкала, живила. Он лежал на спине далеко от земли и жизни. Догнала и пронзила молния страха. Сердце билось резкими толчками, но в мозгу разливался невыразимый покой:

– Всё хорошо. Жив. Боже... – волнами прокатывалось в голове. – Чуть не утонул из-за неё. Глупо было бы.

По плеску волн он догадался, что рядом скалы, повернулся, подплыл и уцепился за поросшее зелёным мхом каменное ребро. Тело качалось на волнах, вспыхивали и гасли в воде маленькие золотистые молнии, хлюпали облепленные ракушками камни. Не отпуская руки, Вэл откинулся назад, глянул в небесный зенит, обрывки мыслей мешались в голове:

– Она бросила меня, я бросил её... Испугались друг друга, своего прошлого? Нет, это я испугался, а не она. Почему она ушла? Чтобы родить моего ребёнка? Или чтобы от меня избавиться? А я вот влюбился. По пути к старцам, в монастырь. Нелепо...

Он повернул к берегу и долго, медленно плыл на спине, пока не уткнулся затылком в гальку. Поднялся из воды и сразу увидел Мини. Обхватив колени руками, она сидела в шаге от прибоя и смотрела в сторону. Вэл смахнул солёные ручейки с волос и лица, опустился рядом и только тут заметил на себе мокрые джинсы и сандалии.

– Не думала, что ты такой крезанутый, – сказала Мини, не повернув головы.

– Я тоже не думал, – глухо ответил и замолчал.

Тело мелко дрожало. Но теперь Вэл чувствовал лёгкость, будто с него свалился и утонул в море неподъёмный груз.

– На, держи свой крестик! – Мини разжала ладонь и пристально, угрюмо глянула ему в глаза.

– Не может быть! – Вэл вскочил от неожиданности, схватил крестик, сжал в ладони и зашатался без сил.

– На камнях тут лежал, – небрежно сказала она. – Нитка оборвалась.

– Нашёлся! Так ведь не бывает! – открыл он глаза.

– Значит, бывает, – Мини презрительно хмыкнула. – Не пойму только, зачем его было искать? Некрасивый, кантровый.

– Это подарок. И потом... – Вэл прервался, взгляделся в её лицо, – теперь он мне дороже любого другого, самого расчудесного.

– Рада за тебя, – холодно сказала Мини и поднялась. – Пошли.

– Подожди! Теперь проси у меня всё, что хочешь! – Вэл вскинул голову, протянул к ней руку и неотразимо улыбнулся.

Она промолчала.

– Хочешь дружбу навек? Такую же прекрасную, как ты?

– Знаешь, у меня полно фрэндов, – Мини сощурилась на солнце.

– Не сомневаюсь... – Вэл помрачнел. – Отвернись, я джины выжму.

– Нужен ты мне.

Она вошла по колено в волны и закинула руки за голову, глядя на ранний закат. Вэл стащил с себя одежду. Опять вихрем понеслась, стала жадными толчками биться кровь. Он прикусил губу и чуть слышно застонал. Мини обернулась:

– Не смотри на меня!

– А ты на меня! – его голос сорвался на крик.

Она фыркнула, мотнула головой и отошла на несколько шагов.

– Всё! – Вэл втиснулся в джинсы, намертво застегнул своё тело, а крестик запрятал глубоко в карман. – Пошли!

Мини окинула его взглядом и усмехнулась:

– Замёрз на солцепёке? Дрожишь так...

– Ничего. Сейчас пройдёт, – ответил как можно суше.

– Ты всегда в джинсах купаешься? – она издевательски улыбнулась.

– Если бы я голый полез в море, мы бы с тобой сейчас не говорили.

– А что бы мы делали?

– Мы? – сверкнул глазами Вэл. – Я бы с ума сошёл.

– Как страшно. Такой мэн! И вдруг с ума...

– Да! – перебил он. – Вдруг – это ты.

– О-о! Из зэт райт? – Мини рассмеялась. – Я счастлива! А теперь не сойдёшь?

– Фогет ит, – Вэл резко отвернулся.

– Мокрые джины помогут? – не унималась она.

Он огляделся. Увидел знакомый подъём внутри расселины.

– Поможет другое, – Вэл подтянулся, залез на камни, твёрдо протянул ей руку: – Всё прошло, Мини. Прости.

– Прощаю, – презрительно выдохнула она и отвела глаза.

– Давай руку! – грубовато бросил Вэл.

Мини безвольно повиновалась. Будто во сне они преодолели каменные завалы, вновь спустились на берег. Отовсюду наплывала грусть, оседала в груди, дурманила голову: "Она хочет того же, чего всегда хотел я – любви, похожей на чудо. Для неё нет ни пределов, ни запретов, как не было их для меня. Ждёт нежности, с ума сходит от своей юности. Как ей сказать, что после разрыва с той, с которой ни за что нельзя было расставаться, другой любви я не ищу?"

Несколько шагов они прошли рядом, хрустя крупной галькой, глядя на солнце, растёкшееся по морю. Потом их руки медленно расцепились. Томительное забытьё кончилось. Мини наклонила голову и быстро пошла вперёд.

– Не спеши. А то вывихнешь ступню, придётся тебя нести, – Вэл догнал её и остановил движением руки.

– Не беспокойся, – она взглянула с горькой усмешкой, но не освободила плеча. – Я привыкла одна, не упаду.

Ему показалось, что губы Мини стремительно приближаются, тают в объятиях её плечи. Опять рванулось из груди сердце, в голове пронеслось: "Если эта встреча, эта

любовь дана мне свыше? Если вместо той, вместо всего прошлого, мою жизнь заполнит её отчаянная красота?" Вэл пошатнулся, закрыл глаза... Целый миг не чувствовал ничего, пока опять не вспыхнул вокруг жаркий вечер. Небо, море, берег, тягостные крики чаек, шум волн – всё стало прежним. Рядом была Мини и недоумённо смотрела ему в лицо.

– Представляешь? – прошептал Вэл. – Мы ходили за чудом. И без тебя я бы ничего не нашёл.

– А я ничего не искала. Он случайно нашёлся, пока ты там нырял и плавал... – Мини отвернулась и двинулась дальше, бросив на ходу: – И потом, ни в какие в чудеса я не верю. Так что не грузи сарай!

Тут Вэл перестал думать. Подошёл к морю и сел на влажную гальку. Небо на западе чисто и тепло сияло, будто вся нежность мира собралась в одном месте перед тем, как покинуть землю. Весь горизонт был залит розовой водой, узкая золотистая дорожка протянулась до самых ног. За спиной тонко пела ранняя цикада.

– Ты что, одну меня оставляешь? Так и будешь здесь сидеть? – издали крикнула Мини.

Вэл понуро поднялся и побрёл к лагерю. Она ждала его, спрятав руки за спину и прищурился глаза в загадочной улыбке.

– Смотри! – Мини внезапно что-то обвила вокруг его шеи. – Вот тебе в подарок. За то, что ты такой... крезанутый!

Вэл обмер от неожиданности. Лицо её пылало, темнел и сладко жёг душу взгляд, золотистые волосы увивал венок из плюща.

– За что это мне?

– За красивые глаза... – Мини отвернулась и шагнула вперёд.

Не помня себя, он ринулся вслед, повернул её за плечи:

– Ты... ты удивительная! Можно я тебя поцелую?

– Нет, – замотала она головой.

По её лицу текли слёзы, губы дрожали, будто целовали воздух. "Господи!" – простонал глубоко в груди его голос, и Вэл крикнул:

– Я сейчас опять в море брошусь! Не могу больше!

– Ты даун, уро-од! – она села на берег и зарыдала. – Уходи! В свои горы, куда хочешь. Только быстрее, умоляю!

– Сейчас... сгину, – скривился Вэл вместо улыбки, ничком упал около неё на гальку. – Неужели я тебя полюбил?

Крестик впился в ладонь.

– Нет, ты только Бога своего любишь.

– Если бы.

Вэл повернулся к небу, увидел потемневшую синеву, текущие сверху медно-золотые волосы и тихо сказал:

– Ты права, нельзя... Если я тебя поцелую, останусь с тобой навсегда. Тут и будет конец моего странствия.

После долгого молчания послышался плачущий шёпот:

– А может быть... это и нужно?

Не помня себя, Вэл поднялся, шагнул в прибой и рухнул на колени:

– Больно! Бо-же! Боль-но...

Море стало его отчаянием, накатывало, закипало в груди. Он плескал водой в лицо, чувствовал на губах соль боли. Молился, чтобы душа окаменела, мокрой галькой упокоилась среди множества камней. Слышал больные голоса чаек, смотрел на закат, не понимая, зачем нужны эти дымчатые облака, остывающее солнце и тусклое золото, нитью растекшееся по горизонту...

Когда, страшась себя, он, наконец, обернулся, берег был пуст. Далеко-далеко мелькала среди камней и кустов живая точка. Можно было ещё догнать Мини, обнять, забыть всё на свете, задохнуться от слова "люблю" и вместе с нею, теряя разум, исчезнуть из этого мира. Но что будет потом? С нею, с ними обоими.

– Слышишь? Не было этой встречи! – кричал он, и голос терялся над морем. – Как я здесь оказался?! Я не должен был уходить, когда ты ушла! Мы оба сошли с ума! Не было сил жить, ждать. А ты? Где ты сейчас?

Быстро спускалась тьма, Вэл стоял на коленях, шатаясь в волнах. Море тянуло к себе и отталкивало. Душа безвольно колебалась между той и этой жизнью.

– Пагуба – на губах, горечь – твоя речь, нежности нож, ног нагота, гибель в изгибе плеч... – зажигалось и гасло в мозгу.

Зачем были эти слова, для кого? Вернуться в лагерь, взять сумку, со всеми проститься. И больше никогда не увидеться с Мини. Надрывно крикнула чайка, мелькнули в сумраке неподвижные крылья. Вэл опомнился и двинулся назад. По телу прокатывался озноб, стучали зубы, мокрые джинсы казались ледяными. Чтобы согреться, он побежал – медленно-медленно. Сандалии тяжело шлёпали и скользили по гальке. Вэл задыхался, но чувствовал мучительную радость, оттого, что всё кончено. Нет больше Мини. Он опять в пути.

Слева шумело море, справа шатались и прыгали чёрные холмы, над головой металась и сверкали звёзды. Вэл перешёл на шаг. Ступни и лодыжки ощутили ледяную воду ручья. Показались крупные камни и кусты, начался подъём. Глаза различили трепетавшую во тьме огненную точку. Только тогда он вновь ощутил своё тело. Маленькие листья плюща щекотнули грудь и спину.

– Мини подарила... – прикусил он губу и сбросил гирлянду на землю.

Вэл приближается к лагерю и переходит с экрана на сцену.

Действие шестое. Люди без возраста

У костра звенела гитара. Шек пел что-то красивое, незнакомое. Вэл вышел к палаткам и остановился. Шуза и Мини, обнявшись, сидели сбоку в двух шагах. Мини заметила его и тут же отвернулась, закрыла лицо ладонями.

Шуза (*радостно вскрикивает и машет рукой*). Вернулся! Вернулся!

Стар (*смерив Вэла взглядом из-за огненных очков, отдельно и громко произносит*). Утопленник воскрес и явился с крестом перед народом!

Лариса (*вскакивает и хватает Вэла за руку, тревожно заглядывает в глаза*). Совсем зачоченел! Руки ледяные. И джинсы тоже. (*С силой тащит его к костру*.) Господи! Как ты нас напугал!

Шек (*откладывает гитару и начинает шарить рукой среди еды и посуды*). Срочно налейте ему! Двойную дозу!

Стар. Лучше тройную. (*Вытаскивает из темноты недопитую бутылку вина и протягивает Шеку*.) Православные троичу любят.

Шакти (*ласково*). Мы тебе поесть оставили. Садись к огню. Ближе! (*Треплет Вэла по мокрым, свисающим до плеч волосам и качает головой*.) Миленький, ну что тебе в голову взбрело? Мини одну в темноте бросил. И сам пропал. Нельзя же так. Шек, подкинь веток в костёр!

Стар. Всё просто. Наш странник воспылал любовью к прекрасной Ми и ринулся в море тушить огонь. (*Хохочет*.) Так, старичок?

Вэл (*мельком смотрит на Стара и кривится в улыбке*). Именно. Ты сразу всё просёк.

Шакти (*хватается за голову*). Или ты замолчишь, безумный Старче? Или в море брошусь я!

Стар (*невозмутимо*). Глупость заразительна, как насморк. Это давно известно. (*Кивает Шеку*.) Отец, слабай ещё что-нибудь. Специально для моей бедной жены. И для прочих дев. А наш гость пока будет сохнуть у костра от любви и в одиночку напиваться, чтобы поскорее вернуть отлетевший на время разум.

Шуза. Почему в одиночку? Мы все выпьем. За его здоровье, хотя бы.

Мини (*неожиданно*). И за твоё тоже. (*Осторожно гладит ногу подруги*.) Какой же дэнс без тебя?

Вэл отыскивает свою сумку, поднимается и рывком вскидывает её на плечо.

Вэл (*решительно*). Хочу вас всех поблагодарить! Искренне. (*Страдальчески смотрит по сторонам и слегка машет рукой*.) Чао, пипл! Прощай, Мини!

Шек. Круто!

Вэл быстро шагает в темноту. Лариса догоняет его в ближайших кустах.

Лариса (*всем слышен её голос*). Только с ума не сходи! Весь мокрый, голодный. Уже ночь. Ну, куда ты пойдёшь? На тебе даже майки нет...

Стар (*кричит в кусты*). Перестань, Ларик, вот его майка! Наш странник, наконец, возжаждал истинной свободы. Это же прекрасно. Пусть идёт.

Появляется Лариса, легонько подталкивает Вэла к костру. Шек поднимается навстречу, кладёт руку ему на плечо.

Шек. Сори! Но это ты зря. Не слушай Стара, он свои дзенские примочки на тебе проверяет.

Стар молчит. Шакти, накидывает на Вэла пляжное полотенце и прижимается к его плечу.

Шакти. Миленький, если хочешь, это даже не по-христиански – и с собой, и с нами так поступать...

Голова Вэла пустеет, кружится, и он покорно оседает на землю: "Всё равно я ушёл. Здесь осталась только моя слабость. До утра..." – мелькает в мозгу. Мини и Шуза, обнявшись, сидят на полянке и смотрят в огонь, остальные хлопочут возле костра с едой и тёплой одеждой, лишь Стар восседает у своего камня и с улыбкой протягивает Вэлу кружку.

Стар. Давай, старичок! Это, конечно, не сома, но смертным пить можно. Не удалось красиво уйти... Ты не огорчайся. Не всегда удаётся безумный поступок. И не всем.

Шакти (*раздражённо*). Стар, опять монстру давишь? Дай поесть человеку. (*Суёт в руки Вэлу миску*.) Остыло, правда, но ничего.

Вэл (*очень тихо*). Спасибо, не хочется. Честно.

Лариса (*с силой*). Нужно! (*Укутывает его одеялом*.) Надо что-то делать с твоими джинсами. Придётся над костром сушить...

Стар (*производит рукой непонятное движение в воздухе и смеётся*). Без штанов он точно никуда не уйдёт. И мы продолжим наши бессмысленные споры об истине.

Вэл (*мотает головой*). Отшнуритесь от меня, ради Бога! Само всё высохнет.

Шакти. Ну, тогда двигайся ближе к огню. Хоть сандалии сними, ноги согрей.

На этот раз он повинуется. Все потихоньку рассаживаются у костра, Шек прикрепляет над огнём два обгоревших сука.

Шек. Вешай на них свои шузы, и через час всё будет о'кей. Я старый турист.

Стар. Итак, наш вечный пир продолжается! Девы, Шек, где ваши круханы? Пьём за возвращение блудного гостя. За тебя, отец! (*Делает глоток, вытирает лоб и сверкает очками на Вэла*.) Я бы на твоём месте тоже попытался сбежать от нелепости

жизни. Но это ошибка. Мудрец не должен терять бесстрастия, и ты правильно сделал, что остался. Учись зеркально мыслить в этом мире.

Вэл (*хочет возразить, но вместо этого многозначительно произносит в сторону Стара*). Да, я ошибся. Остановился в дороге. (*После паузы добавляет, обводя всех взглядом.*) Ладно... За ваш кэмп и за вас!

Стар. Ещё один правильный шаг. (*Приподнимает кружку в знак одобрения.*)

Наступает тягостное молчание. Вэл опустошает свою кружку в несколько глотков и закрывает глаза. Тёплые волны другого моря, одна за одной, прокатываются по телу. Опять вокруг полыхает южный день. Солнце огненно просвечивает через веки и выжигает проникший до самой души холод. Только теперь он начинает приходить в себя, тянуться навстречу костру, тяжело глядя в огонь.

Лариса (*садится рядом, трогает его руку*). Что ты не ешь?

Вэл (*поднимает глаза и мотает головой*). Не хочется. Прости.

Лариса (*наклоняется к нему и едва слышно говорит*). Послушай, если у тебя это серьёзно, не сходи с ума. А если нет, тем более.

Она тревожно заглядывает ему в лицо, ожидая ответа.

Вэл (*разжимает ладонь, на которой поблескивает крестик*). Вот.

Лариса (*вопросительно*). Я знаю, Мини его нашла. Почему ты так смотришь?

Вэл. Он меня спас. Иначе я бы утонул. В море или... всё равно. Себе на погибель.

Он сжимает губы, вспоминает, как терял сознание под водой, как задышался рядом с Мини.

Лариса. Ну, что ты придумал? Павлуша, вы оба такие хорошие... (*Слегка трясёт его за плечо.*) Лишь бы любовь была настоящая! Во имя такой любви Бог всё простит, я уверена. Смотри, что я тебе приготовила! (*Берёт его крестик, ловко вдевает шнурок и завязывает.*) Надевай. Такой знак вам с Мини был, просто невероятно! Мы все вас любим, все за вас волновались до жути. Даже Стар. Не обижайся ты на него.

Вэл мотает головой, что-то хочет сказать, но тут слышится насмешливый голос Стара.

Стар. Что вы там шепчетесь? Молитесь что ли? Шек и Ми страдают от ревности. Срочно вернитесь на грешную землю! Народ жаждет всеобщего веселья! (*Встаёт, вздымает руки в жесте благословения и громогласно произносит на церковный лад.*) Пир... всем!

Мини (*вскрикивает*). Стар, не будь дауном!

На неё никто не обращает внимания. Мини прижимается к Шузе и склоняет голову, огнистые волосы занавеской падают на лицо.

Шакти. А за что пить? Шек, разлей всем, если что осталось. (*Болтает бутылкой в воздухе.*)

Стар. Неважно за что. Пьём за священное безумие! (*Театрально вздымает руки к небу.*)

Лариса. Мне не катит. Лучше за молодость.

Шакти (*патетически*). Тогда – за вечную молодость! (*Поднимает кружку и обводит всех чуть пьяными глазами.*) Мы из "Хиппиленда". Люди без возраста. Дети восторга. За всех, кто был, есть и будет с нами!

Шек (*дотянулся до неё кружкой и глухо звякнул*). Икзэктли!

Лариса. А я пью за веселье сердца. Человек молод, пока в его душе радость.

Стар. Юные девы, кажется, против. (*Устремляет взгляд на Мини с подругой.*)

Мини (*встряхивает волосами*). Не в возрасте дело. Стар прав. Юность, радость – всё это лажа! Не за что пить.

Стар (*картинно вздыхает*). Вот тебе и ответ, Ларик. Скоротечная юность бунтует против твоей неувядающей молодости!

Шакти (*опускает кружку*). А за что бы вы хотели?

Стар. Ха! За красоту и любовь, конечно. (*Смеётся, глядя на девушек*.) Ничего, на днях приедут ваши друзья, и в жизни появится немного ласки.

Шуза (*возмущённо*). Они такие же наши, как и ваши! И вообще мы никого не ждём.

Шек. Это что-то новое.

Мини. Они сами в наш кэмп напросились. Помните?

Шек (*удивлённо*). Ну, допустим...

Шакти (*слегка заплетаящимся языком*). Не кисните, народ! (*Вскакивает, хлопает в ладоши и кричит*.) Начинается карнавал улыбок и цветов! Все танцуют, поют, читают стихи и сходят друг от друга с ума!

Стар. Но не слишком. (*С усмешкой смотрит на Вэла*.) Это уже смертный грех. И почти смертельный. Правда, старичок?

Шакти (*распалаясь всё больше*). Шек, музыку! Я танцую с Вэлом!

Вэл (*недовольно*). У меня сандалии сохнут, я на босу ногу не приучен. (*Ёжится и втягивает голову в плечи*.)

Стар. А я – с юной Шу!

Шуза (*сердито вскрикивает*). Отвянь, Стар! У меня кегля распухла.

Стар (*немедленно поворачивается к Мини*). Прекрасная Ми, ты одна меня понимаешь. Танец жизни выше её смысла. (*Рывком поднимает Мини за руку*.) Танцуем, значит живы! Остальное – майя и бессмыслица.

Шакти (*присоединяется к танцу, слегка задыхаясь*). Вечный праздник! Все пляшут... и поют!

Несколько минут тени носятся вокруг костра в отблесках пламени. Шакти усиленно сцепляет чьи-то руки, тянет их за собой и пытается составить хоровод. Но радостное безумие так и не возникает. Лариса усаживается рядом с Вэлом, обмахиваясь рукой.

Лариса (*будто оправдываясь*). Ох, устала от глупостей! Но у нас в кэмпе так заведено. Время от времени изображать дурдом, чтобы в него не попасть. Юродство такое, ты прости. (*Гладит Вэла по плечу*.) И обещай, что никуда ночью не сбежишь. Слышишь!

Вэл вздыхает, поправляет одеяло на плечах. Шек берёт несколько аккордов, уныло брэнчит на гитаре, изображая узбекский дутар, и стихает. Но тут, опираясь на камень и нарочито пошатываясь, с земли поднимается Стар.

Стар (*громогласно*). Зрите все! Танец мудреца. Шек, ты можешь ещё что-нибудь прогундосить? Как можно лажовей, в две струны, а?

Шек косит под урюков, извлекая из гитары заунывнейшую мелодию. Стар движется вокруг костра спиной вперёд, подцепив одной рукой Мини. Он то хохочет, то рыдает, изображая бурную страсть. Бьёт себя в грудь пустой кружкой, на ходу окропляет лысину иссякшим вином. Сделав пару кругов, останавливается, хватается за сердце, картинно шатается, бросает кружку наземь, отшатывается от Мини, опускается у своего камня и принимает позу лотоса.

Стар (*поворачивая лицо к Вэлу*). Вот начало выхода из круга сансары... (*Громко добавляет*.) Конец чуме, народ! Пора готовиться к исходу в мир сна.

Лариса. Подожди, время детское. Мы ещё посидим.

Шакти (*устало пододвигается к Шеку, целует в щёку*). Шек, слабай что-нибудь душевное. «Зелёный дол» по Бёрнсу, а! Что-нибудь из времён нашей юности. Помнишь, как мы в Карелии синговали? Спой, душа просит, а!

Шек (*усмехается*). Я уж давно забыл наши дринкинг-сонгс.

Стар (*напыжась под пьяного*). У кого душа просит? (*Потрясает пустой бутылкой*.) Аминь, всем спать!

Лариса (*не обращая внимания*). Жека, спой про туманы! Ты же помнишь. (*Обнимает его за плечи*.)

Шакти. Да-да! Её!

С чувством начинает, уставившись в пространство, к ней присоединяются Шек с Ларисой.

Поющие голоса:

Люди сосланы делами,
Люди едут за деньгами,
Убегают от обид и от тоски,
А я еду, а я еду за туманом,
За мечтами и за запахом тайги...

Стар (*в сторону Мини и Шузы*). Закройте мечталки! Туманы были только у нас. А теперь с детства всем всё ясно. Увы!

Вино мягко качает голову. Вэл краем глаза замечает, как Мини поднимается с земли и медленно уходит в темноту. Он надевает горячие волглые сандалии и подсаживается к Шузе.

Вэл (*негромко*). Как нога?

Шуза. Лодыжка совсем распухла... (*Смотрит на Вэла с напряжённой грустью*.) Ты вроде меня. Шизанутый. Так круто обломать можешь!

Вэл. Глупо получилось. И с вами обеими, и с кэмпом. (*Трёт бороду и вдруг до крови кусает кулак*.) Марразм!

Шуза. Брось! Ты, правда, из-за Мини скипнуть решил?

Вэл. Из-за себя.

Шуза (*вздыхает, прячет глаза*). Жалко... И её и тебя.

Вэл. Хочу с тобой попрощаться. На рассвете меня здесь не будет.

Шуза (*морщится, кусает губы*). Ужасно всё! Кантрово – до предела! Конечно, всё так быстро случилось... Но такой герлы, как Мини, ты никогда больше не встретишь, это верняк!

Вэл (*подавленно*). Я знаю.

Шуза. Не будь дауном, Вэл, оставайся! Слепому видно, что вы друг в друга сразу... Ну, просто по уши!! (*Отворачивается*.)

Вэл (*опускает лицо, вздыхает после долгого молчания*). Шуза, ты чудесная. Но ты же знаешь, вы все знаете. Я ничего от вас не скрывал. У нас была запредельная любовь! Всё, чем мы жили, превратилось в счастье: ничтожные дела, разговоры, учёба, заботы. Я боялся только прошлого. Ждал, когда из нас уйдёт эта отравка. А ушла... моя любовь. (*Закрывает лицо ладонью, трёт лоб*.)

Шуза. Нет, я не въезжаю! Поверить не могу! Так любить и расстаться. Это же... невозможно! (*Глаза Шузы округлились*.) Это ведь шиза голимая!

Вэл. Да, я боялся, что после всей нашей наркоты у нас урод родится. Умолял её подождать года два. А она всё бросила! Исчезла. Как теперь жить? Зачем жить? Вот и иду к старцам. Чтобы хоть что-то понять...

Шуза (*задумывается*). Да, стрёмно. Хотя не представляю... Если бы она от тебя ждала, не ушла бы, поверь! Ведь она знает, что ты её любишь. (*Вэл отшатывается, словно от боли, но Шуза продолжает шептать*.) Как фрэндю тебе говорю, прикинь! Может, ты ей просто в напряг стал? И она шуганула тебя, а сама даже не залетела? Ты ведь всего не знаешь. Есть герлы, которым не любовь, не семья, а совсем дру...

Действие резко обрывается вместе с этим разговором. На экране возникает последний эпизод.

Последствие

Последних слов Вэл не услышал. Куда-то исчез воздух. Он стремительно шёл в темноте, пробираясь среди кустов и камней к морю. Задыхаясь, искал огромное, целительное пространство. Хотел до самого сердца вдохнуть и выкрикнуть воздух вместе с душой. Боль рассеется среди звёзд, упадёт в море, скроется в безднах.

– Нет! Она не обманула! Не могла, нет! Молилась, чтобы наш ребёнок родился здоровым. Я не верил, она верила! – Вэл хватал ртом и хрипло тянул в себя тьму. – Но если верила, почему ушла? Непоправимо, навсегда?

Он остановился, поднял голову и замер, не открывал глаз.....
.....
.....

– Тысячи свечей в небе. Мы живём в огромном храме. Ангелы встречают нас и отпевают наши души, жизнь, любовь. Всё исчезает в сияющей тьме...

Одна за одной вздыхали волны. Море было совсем близко. На горизонте незримо соединялись небесная и водная бездны. Едва виднелись у ног отмель и накаты мерцающей пены. Обрывистые берега были вылеплены из глубокой ночи. Звенели цикады, и только по этим звукам можно было понять, что мир остался прежним. Но обратная дорога в него исчезла. Вэл уходил от лагеря, натываясь на камни и колючие кусты, и вдруг оцепенел от сладкого страха. Тень Мини, её губы, дрожащие ресницы витали так близко, что ноги остановились сами собой:

– А если она спустилась на берег? Вдруг я её встречу? Значит, судьба. Жизнь повернётся и потечёт в другую сторону... Знаю, что буду с ней страдать. А может, это и есть настоящая любовь? Нестерпимая, смешанная с болью.

Он повернул назад и опять остановился:

– Мини, как жить после счастья? Никто не знает... Я путник, я запутался.

Казалось просто, отыскать ручеёк, несколько сосен, палатки – три сотни шагов от моря. Только что все пели у костра и сходили с ума. Лагерь можно было бы найти по слуху, с закрытыми глазами, но никаких звуков не было слышно. Слеплённый тьмою, Вэл поднимался по склону, натываясь на кусты и камни, сворачивал в сторону, осторожно делал шаг в пустоту, водил руками по воздуху. Несколько раз казалось, что тропинка нашлась, но тут же острые листья царапали плечо, пальцы нащупывали колючую стену. Неясные тени стволами сходились и расходились над головой. В глаза летели бесчисленные уколы звёзд. Мерцала темнота, дрожала вместе с голосами цикад. Вэл повторял молитву, замирал, кружил на месте и вздыхал:

– Это проклятье, ослепнуть в пути. Он ведь предупреждал...

В темноте исчезало время. Пространство кривилось, проступало сквозь тьму, колодцами уходило ввысь, кружило голову. Поднявшись на осыпь, Вэл увидел тлеющее пятнышко костра и удивился. Тропинка оказалась в нескольких шагах. Неслышно ступая, он подошёл к лагерю и оцепенел. У костра одиноко сидела девушка. Распущенные волосы просвечивал ореол огня.

– Мини! – взорвалось сердце. – Значит, судьба.

Огромные, сияющие слова рвались из груди. Она ждала их, ждала его возвращения. Девушка резко обернулась на звук шагов, поднялась с земли, и Вэл узнал Ларису.

В кадре видны только двое, происходит смена крупных планов.

Лариса. Ты!? Слава Богу! *(Горячо шепчет, мотает головой, прижимается к его плечу.)* Как я боялась за тебя! Ты сумасшедший! Опять убежал, Шуза тебе вслед кричала, звала. Ну, что с тобою?!

В уши врываются голоса цикад.

Вэл *(тяжело вздыхает)*. Хорошо, что это ты.

Лариса. Совсем измучался. Уже полночь. Садись. *(Тянет его мимо костра, подальше от палаток.)* Стар всех удивил. Такого с ним не бывало. Когда узнал, что ты с утра уходишь, долго молчал, а потом, не говоря ни слова, закрылся в палатке. За ним остальные улеглись, но вряд ли спят. Всем грустно до предела. А я тебя дожидаться осталась. *(Она понижает голос.)* Я так вас люблю, и её и тебя.

В глаза Вэла медленно наплывает горечь, он закрывает лицо ладонью и шепчет.

Вэл. Не бывает любви против любви... Она на троих не делится.

Лариса *(сжимает его руку)*. Значит, уходишь.

Вэл. Нельзя иначе. Если мы так напрочь расстались, значит мне суждено монахом стать. Сегодня я это понял.

Лариса *(резко вскидывает голову)*. Не смей оставлять её, слышишь! Она твоего ребёнка ждёт. Бросить её, даже ради монашества, – это... мерзко! Подло!

Вэл *(едва сдерживая голос)*. Ведь не я её, она меня бросила! Зачеркнула нашу любовь! Ни следов не оставила, ни надежды. К кому она ушла? Где её искать?

Лариса. Ни к кому, я уверена. Тебе надо просто ждать. Она вернётся. Как женщина тебе говорю.

Вэл. А если она всё придумала и вообще никакого ребёнка не ждёт?

Лариса. Шуза чушь сказала, потом пожалела. Любить друг друга и лгать о будущем ребёнке? Быть этого не может.

Вэл. Пусть так. Но она не думала о ребёнке, когда на колёсах и на травке кайф ловила. И я ни о чём не думал. Но прошлого не отменишь. Вот в чём ужас. А страдать из-за нас будет ребёнок-урод. Всю жизнь! Но ей не страшно, не жалко!

Лариса. Нет, всё не так! Совсем не так. Я без конца о ней думаю. Ей теперь чудовищно тяжело! Но, знаешь *(голос Ларисы дрожит)*, я ей завидую.

Вэл недоумённо сводит брови.

Лариса. Нет, не то слово: преклоняюсь. Кажется, я её поняла... Она ушла не потому, что тебя разлюбила. Не от обиды и отчаяния. Она решила родить ребёнка, каким бы он ни был. Выходить, вырастить его во что бы то ни стало. Даже в одиночку. Искупить и свою вину, и твои грехи. Иногда нужно всем пожертвовать – счастьем, семьёй – только чтобы твой младенец жил! Я не смогла, а она... *(Шепчет, то и дело вытирая слёзы.)* Она настоящая. Всё отвергла, чтобы матерью стать. Бог ей уже за это многое простит. Он не карает, а спасает, пойми! Я в это свято верю, как и она. Слышишь, ничего не бойся! И у больных здоровые дети рождаются. Жизнь – это великая милость. Это тайна божия.

Вэл *(застывает, опустив голову, едва слышно произносит)*. Что же мне делать, если она решила одна с ребёнком жить?

Лариса. Вряд ли она захочет жить одна, если знает, что ты её любишь.

Вэл. Люблю, что с того! А если она уже с другим? Если не вернётся?

Лариса. Тогда это её выбор... *(Надолго углубляется в себя.)* Иди, раз решил. Может, найдёшь в горах этих отшельников. Но я уверена, они тебе то же самое скажут. Законы жизни едины.

Вэл надолго задумывается, обхватив голову рукой.

Лариса. Совсем о другом хотелось с тобой поговорить. Жаль *(Вздыхает.)* Давай напоследок телефонами обменяемся. Не зря ведь мы встретились. Нам нельзя теряться.

Вэл находит сумку, записную книжку, вырывает страницу. Придвинувшись вплотную к тлеющим углям, они почти вслепую пишут друг другу свои номера.

Лариса. Пстой! Ты ведь ещё ничего не ел, держи-ка миску!

Лариса смотрит, как Вэл заталкивает в рот еду и безразлично жуёт, протягивает ему хлеб, кружку с чаем, мешает угли в костре.

Лариса. Объявись! Когда домой вернёшься, когда хочешь. Если нужно, я всё брошу и тебя к моему старцу свожу, под Ригу. Он уже очень слабенький, болеет, но ты его хотя бы повидашь. С ним и говорить не нужно, он сам – проповедь. Рядом с ним мысли меняются, все вопросы исчезают. На себе испытала. *(Лариса касается его руки.)* Напиши мне её имя. Я буду помнить о вас и просить. И ещё, умоляю, не обижайся на нас. Мы с Жеком, Шакти, Стар – все будем тебя в Питере ждать. Приедешь?

Вэл. Хотелось бы. Так сблизился с вами. И твоего старца повидать очень хочется. Но не знаю... Теперь я ничего не знаю! Что они скажут, то и будет. *(Ловит её пальцы, прижимает к губам.)* Спасибо тебе за всё. Огромное...

Лариса. А я тебе благодарна. Потому что ты... Ты тоже – настоящий. *(Кладёт руку ему на плечо.)* Мини рассказала, как ты чуть не утонул из-за неё. Она глупенькая, только потом это поняла. Рыдала, как ребёнок. *(Лариса качает головой.)* Да, чуть не забыла! Она передать просила, что её Анной зовут. Бабушка в детстве крестила.

Вэл. Скажи ей... никогда её не забуду. И поцелуй вместо меня. На сердечную память. *(Он сжал губы и поднял лицо к небу.)*

Лариса. Как её жалко, ты бы знал! Ведь у неё никого нет. И толком никогда не было. Ладно... Ложись, тебе силы нужны. Ну, помоги тебе Бог!

Лариса трижды целует Вэла, скользит ладонью по его руке и скрывается в палатке. Он садится к костру, прижимает упавшие волосы к глазам. В пунцовых углях мерцают отсветы давно погасшего заката, тает жар минувшего дня... Последнее, что видит Вэл, завернувшись в одеяло, это россыпи звёзд на чёрном небе. Среди них возникает последний киноэпизод.

Любовь во сне

Среди ночи Вэл проснулся, потому что Мини была рядом. Они шли по берегу, наполовину затопленному морем. Волны накрывали с головой и смешивались с небом, глаза слепли от солнца.

– Скажи, ты меня любишь? – спросила она.

– Зачем слова? Посмотри на меня и всё поймёшь, – ответил Вэл.

– Нет, скажи! – голос звучал грустно. – Я знаю, ты думаешь о ней.

– И о тебе.

– Не думай о ней. Мы всегда будем вместе, будем счастливы, у нас будет много детей, много друзей.

Вэл глянул на Мини. Нежность переполняла её глаза, они казались росистыми, расцветали светлой голубизной.

– Ты в Бога веришь... – она посмотрела вдаль. – Скажи, разве любить всем существом это грех? Меня такой Бог создал. Мы ведь не животные, чтобы только рожать.

– А ты любила по-настоящему?

– Любила... Что значит, по-настоящему?

– Настоящая любовь одна под небом. Это море без берегов.

– Нет, морю нужны берега, как душе тело. Они едины, прибой – их поцелуй. Тысячи поцелуев, смотри!

Он увидел. Волны непрерывно льнули к берегу, растекались объятиями. Вэл встретился с её взглядом и понял, это она – море! Она стала всем. Заполнила его собой. Он чувствовал раскрывшиеся губы, плыл по неощутимой воде, взмывал на волнах...

В тот же миг они отпрянули друг от друга.

– Твои губы запомнят меня.

– Это была твоя душа, – шептал Вэл.

– Это была я. И останусь в тебе. А ты во мне.

– Я даже не коснулся тебя. Мне всё приснилось!

– Пусть. Всё равно я твоя.

– Так мучительна эта близость. Вот-вот начнётся безумие.

– Начнётся жизнь.

– Нет! Будет другое... Повторится наше несбывшееся. Пусть.

– Неужели ты так её любишь? Она исчезла, а я есть. Я пришла, чтобы тебя любить.

– Если я предам её, предам и тебя... Я должен найти её или уйти из мира.

– Невыносимо это слышать. Если скажешь "нет", значит, любви нет! Мы встретились, чтобы я это поняла? Только это, да?

– Нет. Любовь не умирает, из неё сотворена жизнь. Она приходит к тем, кто любит. Твоя любовь придёт, Мини!

Она попыталась улыбнуться:

– Я привыкла, что любовь не дольше поцелуя. Не умею, не хочу так. Потому я и одинока. Для чего любовь, если ты уходишь?

– Ухожу, чтобы пришёл тот, кто давно тебя ищет.

– А я уже нашла. И уже потеряла.

– Есть жизнь другая. Через много лет у тебя родится ребёнок с моей улыбкой. А мой – с твоею. Родится от любви, которая только началась, но никогда не кончится.

– Ты блаженный, живёшь в несбывшемся... Не могу расстаться с тобой!

– А я с тобой, с моей мечтой! Любовь – это страдающий восторг. Иначе на земле не бывает. Встретимся там, где уже никогда не расстанутся...

Кончалась ночь, и вместе с нею исчезал в небе странный, страннический сон. Так ясно звучали их голоса, будто Павел не спал, а до утра бродил в вечернем закате. Можно было ещё немного побыть в невыносимой высоте, по ту сторону жизни. Он лежал и, закрыв глаза, продолжал слушать себя. Слышал и чувствовал, как проникают в сознание ровный шум с моря, шорохи ветра в листве, запахи южной зелени, вчерашнего костра, волглого одеяла. Утренняя мгла рассеялась, и по склонам клубились ночные туманы. Из обеих палаток доносилось мерное сопение. Угольная зола осела вниз и застыла в костре маленьким потухшим вулканом. Повсюду виднелись следы вчерашнего грустного пира. Павел встал лицом к востоку, медленно вдохнул имя божье и тихо выдохнул.

Пора было уходить. Он наскоро сложил одеяло, заглянул в кастрюлю с остатками подгоревшей лапши, неслышно выскрёб в кружку и проглотил несколько ложек. Плеснул воды из чайника, залпом выпил и бросил кружку в сумку. Напоследок ещё раз осмотрелся, навсегда запоминая этот лагерь, бездонное небо и бескрайнее море.

Опять присел к костру, вырвал листок из записной книжки и крупно написал: "Спасибо за всё. Простите за всё. Те, кто в пути, не расстанутся. Мы обязательно встретимся. П-вел". Он прижал листок крышкой к чайнику. Вдохнул, глянул на палатку, где спала Анна. Постоял и шагнул на тропинку, ведущую в горы.

И к той, с которой нельзя было расставаться.

Экран гаснет. Театральный занавес закрывается.

2010, 2016, Нормандия